

=====
Часть Вторая
ДЕСЯТЬ
АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ
тридцать стихотворений

Part Two
TEN AMERICAN POETS
thirty poems
=====

133. a

Часть Вторая

ДЕКРЕТ

АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ

Переводы с английского

Part Two

TEN AMERICAN POETS

thirty poems

TEN AMERICAN POETS

1. Henry Wadsworth LONGFELLOW

(1807 - 1882)

71. IT'S FOUR O'CLOCK!

Four by the clock! and yet not day;
 But the great world rolls and wheels away,
 With its cities on land, and its ships at sea,
 Into the dawn that is to be!

Only the lamp in the anchored bark
 Sends its glimmer across the dark,
 And the heavy breathing of the sea
 Is the only sound that comes to me.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧАС!

Четвертый час! - еще не день,
 но мир, вращаясь, сбросит тень:
 на суше город, лодки в море
 рассвет встречать уж будут вскоре.

Огни на шхуне мне видны
 и вздохи моря мне слышны, -
 и это всё, чем пред рассветом
 моя душа была согрета.

(18)

72. THE ARROW AND THE SONG

I shot an arrow into the air,
 It fell to earth, I knew not where;
 For, so swiftly it flew, the sight
 Could not follow it in its flight.

I breathed a song into the air,
 It fell to earth, I knew not where;
 For who has sight so keen and strong,
 That it can follow the flight of song?

Long, long afterward, in an oak
 I found the arrow, still unbroke;
 And the song, from beginning to end,
 I found again in the heart of a friend.

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Стрелу из лука я пустил,
 Не знал я, где она упала;
 Напрасно взор за ней следил,
 Она мелькнула и пропала.

На ветер песню бросил я:
 Звук замер где-то в отдаленьи...
 Куда упала песнь моя
 Не мог сказать я в то мгновенье.

Немного лет спустя, потом
 Стрела нашлась, в сосне у луга,
 Свою же песню целиком
 Нашел я в теплом сердце друга.

(51)

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Стрелу пустил я высоко -
 Она упала далеко;
 Она летела быстро так -
 За ней не уследить никак.

Я песню выдохнул свою -
 Ее я сразу не найду:
 Чей взор столь остр, чтобы полет
 Мог песни проследить? И вот,

Уж много времени спустя,
 На дубе - там стрела моя;
 А песни боль и торжество -
 Все в сердце друга моего!

(18)

MEZZO CAMMIN⁺

Half of my life is gone, and I have left
 The years slipped from me and have not fulfilled
 The aspiration of my youth, to build
 Some tower of song with lofty parapet.

Not indolence, nor pleasure, nor the fret
 Of restless passions that would not be stilled,
 But sorrow and a care that almost killed,
 Kept me from what I may accomplish yet;

Though half-way up the hill, I see the Past
 Lying beneath me with its sounds and sights, -
 A city in the twilight dim and vast,

With smoking roofs, soft bells, and gleaming lights, -
 And hear above me on the autumnal blast
 The cataract of Death far thundering from the heights.

MEZZO CAMMIN⁺

Полжизни нет; оставил за собой
 Я годы, в коих нету устремлений
 Моей молодой поры, нет даже тени
 От башни песен, сочиненных мной.

И лишь тоска, почти что смертный бой,
 Что не дает отдаться увлеченью -
 Ни праздность, ни услады, ни волненья
 Страстей неусмиранных - только боль.

И с полпути к вершине вижу я
 Все Прошлое - со звуками, с огнями -
 Мой город: в сумерках, гремя,

Над крышами звеня колоколами;
 В осеннем воздухе поверх меня -
 Чу! - Смерти водопад гремит громами.

(18)

4 mezzo cammin - middle of the life-path

+ mezzo cammin - середина пути
 /первый стих "Божественной
 комедии" Данте/

MEZZO CAMMIN

Прошло полжизни; стерся даже след
Минувших дней. Где юный жар стремленья
Из рифм, из песен, полных вдохновенья,
Дворец воздвигнуть для грядущих лет?

Виною не праздность, не любовь, о нет!
Не беспокойной страсти наслажденья,
Но горести едва ль не от рожденья,
Чреда забот убийственных и бед.

И с полгоры я вижу под собою
Все прошлое, весь этот темный ад, -
В дымах, в огнях мой город, скрытый мглою,

Где стоны, плач и никаких отрад
И на ветру осеннем, надо мною
С вершин гремящий Смерти водопад.

23

MEZZO CAMMIN

Прошло полжизни; стерся даже след
Минувших дней. Где юный жар стремленья
Из рифм, из песен, полных вдохновенья,
Дворец воздвигнуть для грядущих лет?
Виною не праздность, не любовь, о нет!
Не беспокойной страсти наслажденья,
Но горести едва ль не от рожденья,
Чреда забот убийственных и бед.
И с полгоры я вижу под собою
Все прошлое, весь этот темный ад, -
В дымах, в огнях мой город, скрытый мглою,
Где стоны, плач и никаких отрад
И на ветру осеннем, надо мною
С вершин гремящий Смерти водопад.

23

A mezzo cammin - middle of the life-path
+ mezzo cammin -
(первый стих "Романтическая комедия" Ланте)

II. EDGAR ALLAN POE

(1809 - 1849)

THE RAVEN

Once upon a midnight dreary, while I pondered, week-and weary,
 Over many a quaint and curious volume of forgotten lore -
 While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping
 As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
 "'Tis some visitor," I muttered, "tapping at my chamber door -
 Only this and nothing more."

Ah, distinctly I remember, it was in the bleak December,
 And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
 Eagerly I wished the morrow; - vainly T had sought to borrow
 From my books surcease of sorrow - sorrow for the lost Lenore -
 For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore -
 Nameless here for evermore.

And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
 Thrilled me - filled me with fantastic terrors never felt before;
 So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating,
 "'Tis some visitor entreating entrance at my chamber door -
 Some late visitor entreating entrance at my chamber door; -
 This it is and nothing more."

Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
 "Sir," said I, "or Madam, truly your forgiveness I implore;
 But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
 And so faintly you came tapping, tapping at my chamber door,
 That I scarce was sure I heard you" - here I opened wide the door:-
 Darkness there and nothing more.

Deep into that darkness peering, long I stood there wondering,
 fearing,
 Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before;
 But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
 And the only word there spoken was the whispered word, "Lenore?"
 This I whispered, and an echo murmured back the word, "Lenore!"
 Merely this and nothing more.

Back into the chamber turning, all my soul within me burning,
 Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.
 "Surely," said I, "surely that is something at my window lattice;
 Let me see, then, what theraut is, and this mystery explore -
 Let my heart be still a moment, and this mystery explore; -
 "'Tis the wind and nothing more!"

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter,
 In there stepped a stately Raven of the saintly days of yore;
 Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed he;
 But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door -
 Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door -
 Perched, and sat, and nothing more.

Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
 By the grave and stern decorum of the countenance it wore,
 "Though the crest be shorn and shaven, thou," I said, "art sure
 no craven,
 Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly shore -
 Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!"
 Quoth the Raven, "Nevermore."

Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so plainly,
 Though its answer little meaning - little relevancy bore;
 For we cannot help agreeing that no living human being
 Ever yet was blessed with seeing bird above his chamber door -
 Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber door,
 With such name as "Nevermore".

But the Raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
 that one word, as his soul in that one word he did outpour.
 Nothing further then he uttered - not a feather then he fluttered -
 Till I scarcely more than muttered, "Other friends have flown before -
 On the morrow he will leave me, as my Hopes have flown before."

Then the bird said, "Nevermore."
 Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
 "Doubtless," said I, "what it utters is its only stock and store,
 Caught from some unhappy master whom unmerciful Disaster
 Followed fast and followed faster till his songs one burden bore -
 Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
 Of Never - nevermore."

But the Raven still beguiling my sad fancy into smiling,
 Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird and bust and door;
 Then, upon the velvet sinking, I betook myself to linking
 Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore -
 What this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird of yore
 Meant in croaking "Nevermore."

This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
 To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom's core;
 This and more I sat divining, with my head at ease reclining
 On the cushion's velvet lining that the lamp-light gloated o'er,
 But whose velvet violet lining with the lamp-light gloating o'er,
 - She shall press, oh, nevermore!

Then, methought, the air grew denser, perfumed from an unseen censer
 Swung by Seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted floor.
 "Wretch," I cried, "thy God hath lent thee - by these angels He hath
 Respite-respite and nepenthe from my memories of Lenore! sent thee
 Quaff, oh, quaff this kind nepenthe, and forget this lost Lenore!

Quoth the Raven, "Nevermore."
 "Prophet," said I, "thing of evil! - prophet still, if bird or devil! -
 Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore,
 Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted -
 On this Home by Horror haunted - tell me truly, I implore -
 Is there - is there balm in Gilead? - tell me - tell me, I implore!"
 Quoth the Raven, "Nevermore."

"Prophet," said I, "thing of evil! - prophet still, if bird or devil! -
 By that Heaven that benbends above us - by that God we both adore -
 Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
 It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore -
 Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore."

Quoth the Raven, "Nevermore."
 "Be that word our sign of parting, bird or fiend!" I shrieked, upstarting -
 "Get thee back into the tempest and the Night's Plutonian shore!
 Leave no black plum as a token of that lie thy soul hath spoken!
 Leave my loneliness unbroken! - quit the bust above my door!
 Take thy beak from out my heart, and take thy form from off my door!"
 Quoth the Raven, "Nevermore."

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
 On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
 And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
 And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
 And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
 Shall be lifted - nevermore!

ВОРОН

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
 Задремал я над страницей фолианта одного,
 И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
 Будто глухо так застукал в двери дома моего.
 "Гость, - сказал я, - там стучится в двери дома моего,
 Гость - и больше ничего."

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
 И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
 Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
 Облегченье от печали по утраченной Линор,
 По святой, что там, в Эдеме, ангелы зовут Линор, -
 Безыменной здесь с тех пор.

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
 Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
 И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
 "Это гость лишь запоздалый у порога моего,
 Гость какой-то запоздалый у порога моего,
 Гость - и больше ничего."

И, оправясь от испуга, гостя встретил я, как друга.
 "Извините, сэр иль леди, - я приветствовал его, -
 Задремал я здесь от скуки, и так тихи были звуки,
 Так неслышны ваши стуки в двери дома моего,
 Что я вас едва услышал," - дверь открыл я: никого,
 Тьма - и больше ничего."

Тьмой полночной окруженный, так стоял я, погруженный
 В грезы, что еще не снились никому до этих пор;
 Тщетно ждал я так, однако тьма мне не давала знака,
 Слово лишь одно из мрака донеслось ко мне: "Линор!"
 Это я шепнул, и эхо прошептало мне: "Линор!"
 Прошептало, как укор.

В скорби жгучей о потере я захлопнул плотно двери:
 И услышал стук такой же, но отчетливей того.
 "Это тот же стук недавний, - я сказал, - в окно за ставней,
 Ветер воет неспроста в ней у окошка моего,
 Это ветер стукнул ставней у окошка моего, -
 Ветер - больше ничего."

Только приоткрыл я ставни - вышел Ворон стародавний,
 Шумно оправляя траур оперенья своего;
 Без поклона, важно, гордо, выступил он чинно, твердо;
 С видом леди или лорда у порога моего,
 Над дверьми на бюст Паллады у порога моего
 Сел - и больше ничего.

И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале,
 Видя важность черной птицы, чопорный ее задор,
 Я сказал: "Твой вид задорен, твой хохол облезлый чёрен,
 О зловеший древний Ворон, там, где мрак Плутон простер,
 Как ты гордо назывался там, где мрак Плутон простер?"
 Каркнул Ворон: "Невемор".

Выкрик птицы неуклюжей на меня повеял стужей,
 Хоть ответ ее без смысла, невпопад, был явный вздор;
 Ведь должны все согласиться, вряд ли может так случиться,
 Чтобы в полночь села птица, вылетевши из-за штор,
 Вдруг на бюст над дверью села, вылетевши из-за штор,
 Птица с кличкой "Невемор".

Ворон же сидел на бюсте, словно этим словом грусти
 Душу всю свою излил он навсегда в ночной простор.
 Он сидел, свой клюв сомкнувши, ни пером не шелохнувши,
 И шепнул я вдруг вздохнувши: "Как друзья с недавних пор,
 Завтра он меня покинет, как надежды с этих пор".
 Каркнул Ворон: "Невемор".

При ответе столь удачном вздрогнул я в затишьи мрачном,
 И сказал я: "Несомненно, затвердил он с давних пор,
 Перенял он это слово от хозяина такого
 Кто под гнетом рока злого слышал, словно приговор,
 Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
 Слышал в этом "невемор".

И с улыбкой, как вначале, я, очнувшись от печали,
 Кресло к Ворону подвинул, глядя на него в упор,
 Сел на бархате лиловом в размышлении суровом,
 Что хотел сказал тем словом Ворон, веший с давних пор,
 Что пророчил мне угрюмо Ворон, веший с давних пор,
 Хриплым карком: "Невемор!"

Так, в полудремоте краткой, размышляя над загадкой,
 Чувствуя, как Ворон в сердце мне вонзал горящий взор,
 Тусклой люстрой освещенный, головою утомленной
 Я хотел склониться, сонный, на подушку на узор,
 Ах, она здесь не склонится на подушку на узор
 Никогда, о, невемор!

Мне казалось, что незримо заструились клубы дыма
 И ступили серафимы в фимиаме на ковер.
 Я воскликнул: "О несчастный, это Бог от муки страстной
 Шлет непентес - исцеленье от любви твоей к Линор!
 Пей непентес, пей забвенья и забудь свою Линор!
 Каркнул Ворон: "Невемор!"

Я воскликнул: "Ворон веший, птица ты иль дух зловеший!
 Дьявол ли тебя направил, буря ль из подземных нор
 Занесла тебя под крышу, где я древний Ужас слышу,
 Мне скажи, дано ль мне свыше там, у Галаадских гор,
 Обрести бальзам от муки там, у Галаадских гор?"
 Каркнул Ворон: "Невемор!"

Я воскликнул: "Ворон веший, птица ты иль дух зловеший!
 Если только Бог над нами свод небесный распростер,
 Мне скажи, душа, что бремя скорби здесь несет со всеми,
 Там обнимет ли в Эдеме лучезарную Линор -
 Ту святую, что в Эдеме ангелы зовут Линор?"
 Каркнул Ворон: "Невемор!"

"Это знак, чтоб ты оставил дом мой, птица или дьявол! -
 Я, вскочив, воскликнул, - С бурей уносись в ночной простор,
 Не оставив здесь, однако, черного пера, как знака
 Жи, что ты принес из мрака! С бюста траурный убор
 Скинь и клюв свой вынь из сердца! Прочь лети в ночной простор!
 Каркнул Ворон: "Невемор!"

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
 С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
 Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте,
 И под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер,
 И душой из этой тени не взлечу я с этих пор,
 Никогда, о, невемор!

ВОРОН

Как-то полночью ненастной я склонялся, безучастный,
 Над томами, что давно уж не волнуют никого -
 В полудреме я склонялся, но внезапно стук раздался,
 Будто кто-то постучался в двери дома моего.
 "Гость стучит, - пробормотал я, - в двери дома моего,
 Гость - и больше ничего".

О, я вспоминаю снова: был тогда декабрь суровый,
 Тень ложилась от камина, словно призрак, на ковер.
 Ждал я утра как спасенья - мои книжные ученья
 Не давали мне забвенья об утраченной Ленор,
 Кого ангелы благие все сейчас зовут - Ленор,
 Безымянной здесь с тех пор.

В каждом шорохе портьеры я со страхом суеверным
 Слышал непонятный ужас - раньше я не знал его;
 Сердце громче застучало, но я вновь шепнул устало:
 "Это путник запоздалый там у дома моего,
 Умоляет о ночлеге гость у дома моего,
 Гость - и больше ничего".

И, в себя загнав тревогу, колебался я недолго -
 "Сэр, - сказал я, - или леди, промедленья моего
 Не судите: вы стучали слишком тихо, и едва ли
 Мог услышать вас в дремоте - ведь не жду я никого".
 Так учтиво извинившись, дверь раскрыл я широко:
 Мрак там - больше ничего.

В темноту взирая сонно, долго я стоял, смущенный,
 Предаваясь грезам, смертным недоступным до сих пор;
 Всюду тишь царила снова, но в молчании суровом
 Раздалось одно лишь слово - мне послышалось: "Ленор!"
 Это я шепнул, а эхо повторило вслед: "Лено-о-о..."
 Эхо - больше ничего.

Но, лишь в комнату вернулся - снова сердцем содрогнулся:
 Стук раздался, только громче, чем минуту до того.
 И сказал я: "Это что-то бьет в оконную решетку;
 Посмотреть бы, чтобы четко сердце знало - страх его
 Беспричинен: это ветер чем-то напугал его,
 Ветер - больше ничего".

И едва открыл я ставни, в комнату вошел державно
 Черный Ворон - сама древность была матерью его;
 Не склонился он с почтеньем, не промедлил ни мгновенья,
 Гордо, будто лорд иль леди, и с осанкою богов
 Сел на бюст Паллады рядом с дверью дома моего -
 Сел - и больше ничего.

Ворон слабо шевельнулся; я взглянул - и улыбнулся,
 Видя важные манеры черной птицы, и тогда
 Я сказал: "Хоть ты ошипан, но назвать тебя трусливым
 Не могу. Скажи хоть имя, что носил ты сам, когда
 Жил ты в злой стране Плутона, там, где Стикса берега?"
 Молвил Ворон: "Никогда".

Показалось мне занятным что-то в этом слове внятном,
 Пусть в нем смысла было мало - смысл излишен иногда:
 Ведь и в нашем мире тленном мы не можем откровенно
 Своих мыслей сокровенных высказать везде, всегда.
 Птица или зверь ужасный - кто пришел ко мне сюда
 С этой кличкой - Никогда?

Только черный Ворон снова повторял одно лишь слово,
Словно душу изливая в этом вечном "никогда".
Вспомнив все свои утраты, бормотал я: "Гость пернатый,
Как друзья мои когда-то, ты завтра навсегда
Дом мой все-таки оставишь, как надежд моих чреда".

Он ответил: "Никогда!"

И ответ был столь удачен, точен, безысходно-мрачен,
Что я вздрогнул: "Это слово, без сомненья, только мзда,
Только отклик на жестокость, что хозяин одинокий
И гонимый злобным Роком твой испытывал всегда;
Рухнувших надежд и планов, дней тоскливых чехарда
В этом слове - "никогда".

Я невольно содрогнулся, через силу улыбнулся,
Головой скользнул с подушки и опять взглянул туда,
Где сидела эта птица; мозг заставил обратиться
К мысли, что в виски стучится: "Что же этот демон зла
Что же сей зловещий призрак мог вложить в свои слова,
В эти "больше никогда"?"

Я сидел, догадок полон, но ни звука не промолвил
Птице, чьи сжигали сердце мне горящие глаза.
Околдован чудной силой, голову свою откинул,
Вспомнил я, как приходила моя милая сюда...
Но на этот бархат рядом голова еще одна
Уж не ляжет никогда!

Мне почудилось, что в дом мой Серафим явился строгий,
И звенела его поступь даже на моих коврах.
Я воскликнул в иступленьи: "Бог послал мне искупленье!
Дай спасенье, дай забвенье от любимой навсегда!
Пей, скорее пей забвенье, чтоб забыться навсегда!"
Молвил Ворон: "Никогда!"

Я сказал: "Пророк! не спорю - птица ты иль демон горя,
Искусителем ли послан, бурей брошен ли сюда,-
Ты покинут, но бесстрастен; о, как этот дом ужасен!
Но побег бы был напрасен - не уйти мне никуда.
Так скажи, бальзам библейский ты даруешь мне когда?"
Молвил Ворон: "Никогда!"

"Птица ль, демон ты - не знаю; но скажи, я заклинаю
Небесами, что над нами, Богом, с нами Кто всегда, -
Та душа, где ныне демон, - там, в заболочном Эдеме,
Встретит ли святую деву, ту, чье имя как звезда?
Встретит ли Ленор, кто ныне там, где облаков гряда?"
Молвил Ворон: "Никогда!"

"Знак разлуки это слово, - я вскочил и крикнул снова, -
Прочь отсюда, в ночь Плутона, где всегда царит Беда!
Черное перо, как символ, знак того, что был ты лживым,
Уноси отсюда живо, дом оставь мой навсегда!
Призрак, вынь свой клюв из сердца, убирайся в никуда!"
Молвил Ворон: "Никогда!"

Никуда не улетаю, все сидит та птица злая,
С бюста бледного Паллады не уходит никуда
И взирает так сурово... От светильника ночного
На ковер ложится снова тени мрачная гряда.
И душа из этой тени, что ползет ко мне сюда,
Не восстанет никогда!

ELDORADO

Gaily bedight,
A gallant knight,
In sunshine and in shadow,
Had journeyed long,
Singing a song,
In search of Eldorado.

But he grew old -
This knight so bold -
And o'er his heart a shadow
Fell as he found
No spot of ground
That looked like Eldorado.

And, as his strength
Failed him at length,
He met a pilgrim shadow -
"Shadow," said he,
"Where can it be -
This land of Eldorado?"

"Over the Mountains
Of the Moon,
Down the Valley of the Shadow,

Ride, boldly ride,"
The shade replied, -
"If you seek for Eldorado!"

ЭЛЬДОРАДО

Ночью и днем
 На коне лихом,
 Сверкая парчой наряда,
 Рыцарь скакал
 И с песней искал
 Волшебный край Эльдорадо.
 Но стал он сед
 Под ношею лет,
 Душа преисполнилась хлада:
 Нигде он не мог
 Найти уголок,
 Похожий на Эльдорадо.
 И в последний свой день
 Он скиталицу-тень
 Спросил, не сводя с нее взгляда:
 "О тень, отвечай:
 Где сыщется край,
 Чудесный край Эльдорадо?"
 "По гребням узор-
 ных лунных гор,
 Долиною мертвенной ада
 Скачи через тьму,-
 Был ответ ему,-
 Если хочешь найти Эльдорадо!"

ЭЛЬДОРАДО

Он на коне,
 В стальной броне;
 В лучах и тенях ада,
 Песнь на устах,
 В днях и годах
 Искал он Эльдorado.

И стал он сед
 От долгих лет,
 На сердце - тени Ада.
 Искал года,
 Но нет следа
 Страны той - Эльдorado.

И он устал,
 В степи упал...
 Предстала Тень из Ада,
 И он, без сил,
 Ее спросил:
 "О Тень, где Эльдorado?"

На склоны чёр-
 ных лунных гор
 Пройди, - где тени Ада!"
 В ответ она:
 "Во мгле без дна -
 Для смелых - Эльдorado!"

87

6

ЭЛЬДОРАДО

Ярко одет,
 Рыцарь - на свет,
 В тень ли, - да как только надо -
 Шел он и пел,
 Как он хотел
 Землю найти - Эльдorado.

б Был очень смел,
 Но постарел:
 В сердце мечтам есть преграда -
 Сколько б ни шел,
 Он не нашел
 Землю свою - Эльдorado.

И наконец,
 Полумертвец,
 Встретил он Тень, как награду.
 "Где мне найти, -
 Молвил, - пути
 К этой земле - Эльдorado?"

"Месяц взошел.
 Смерти есть дол
 Там - и туда тебе надо,
 Если не день, -
 Молвила Тень, -
 Если нужна Эльдorado."

ANNABEL LEE

It was many and many a year ago,
 In a kingdom by the sea,
 That a maiden there lived whom you may know
 By the name of Annabel Lee;
 And this maiden she lived with no other thought
 That to love and be loved by me.

She was a child and I was a child,
 In this kingdom by the sea,
 But we loved with a love that was more than love -
 I and my Annabel Lee;
 With a love that the winged seraphs of Heaven
 Coveted her and me.

And this was the reason that, long ago,
 In this kingdom by the sea,
 A wind blew out of a cloud by night
 Chilling my Annabel Lee;
 So that her highborn kinsmen came
 And bore her away from me,
 To shut her up in a sepulchre
 In this kingdom by the sea.

The angels, not half so happy in Heaven,
 Went envying her and me: -
 Yes! - that was the reason (as all men know,
 In this kingdom by the sea)
 That the wind came out of the cloud chilling
 And killing my Annabel Lee.

But our love it was stronger by far than the love
 Of those who were older than we -
 Of many far wiser than we -
 And neither the angels in Heaven above
 Nor the demons down under the sea,
 Can ever dissever my soul from the soul
 Of the beautiful Annabel Lee: -

For the moon never beams without bringing me dreams
 Of the beautiful Annabel Lee;
 And the stars never rise but I see the bright eyes
 Of the beautiful Annabel Lee;
 And so, all the night-tide, I lie down by the side
 Of my darling, my darling, my life and my bride,
 In her sepulchre there by the sea -
 In her tomb by the side of the sea.

148
АННАБЕЛЬ-ЛИ

Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что завлась всегда,
Называлась Аннабель-Ли,
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.
Но любили мы больше, чем любят в любви,-
Я и нежная Аннабель-Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли,-
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель-Ли;
И родные толпой многознатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг,
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли,-
Оттого и случилось /как ведомо всем -
В королевстве приморской земли/,-
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, что старости бремя несли,-
Тех, что мудростью нас превзошли,-
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы,
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли:
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной - с невестой - с любовью моей -
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

ЭННАБЕЛ ЛИ

Это было давно, в королевстве одном,
 Там, у моря, на крае земли,
 Одна дева жила - может, знал ты ее -
 Ее звали Эннабел Ли.
 А жила она тем, чтоб любимой быть мной
 И чтоб только меня любить.
 Помню, был я ребенком, она тоже дитя,
 Там, у моря, на крае земли:
 Но нам чувство дано - даже больше любви -
 У меня и у Эннабел Ли -
 Серафимы небес помогались его,
 Но от нас получить не смогли.
 И по этой причине давным-давно,
 Там, у моря, на крае земли,
 С неба ветер подул - заморозил, убил
 Мою милую Эннабел Ли.
 И приехали родичи, и увезли,
 И ее от меня увезли,
 И закрыли в гробнице, все в той же стране,
 Там, у моря, на крае земли.
 Да, и ангелы в небе не знали любви,
 Как у нас - и завидовали -
 Вот причина /и знают все это сейчас
 Там, у моря, на крае земли/
 Почему вдруг из туч ветер страшный подул
 И убил мою Эннабел Ли.
 Но любовь была наша сильнее, чем любовь
 Тех, кто старше был, чем были мы,
 Кто мудрей был, чем были мы -
 И ни ангелы в небе, ни демоны - вновь
 Наши души разъять не смогли,
 И душа моя там, где душа и ее,
 Восхитительной Эннабел Ли.
 И не светит луна, коль мне сны не несет
 О прекраснейшей Эннабел Ли;
 Звезды тускло горят, коль не вижу я в них
 Очи преданной Эннабел Ли;
 И ночью порой я лежу лишь с тобой,
 Моя жизнь и невеста, мой символ любви
 Там, в гробнице, на крае земли,
 Там, где рядом грохочет прибой.

THE BELLS

I.

Hear the sledges with the bells -
 Silver bells!
 What a world of merriment their melody foretells!
 How they tinkle, tinkle, tinkle,
 In the icy air of night!
 While the stars that oversprinkle
 All the heavens, seem to twinkle
 With a crystalline delight;
 Keeping time, time, time,
 In a sort of Runic rhyme,
 To the tintinnabulation that so musically wells
 From the bells, bells, bells, bells,
 Bells, bells, bells -
 From the jingling and the tinkling of the bells.

II.

Hear the mellow wedding bells,
 Golden bells!
 What a world of happiness their harmony foretells!
 Through the balmy air of night
 How they ring out their delight!
 From the molten-golden notes,
 And all in tune,
 What a-liquid ditty floats
 To the turtle-dove that listens, while she gloats
 On the moon!
 Oh, from out the sounding cells,
 What a gush of euphony voluminously wells!
 How it swells!
 How it dwells
 On the future! - how it tells
 Of the rapture that impells
 To the swinging and the ringing
 Of the bells, bells, bells,
 Of the bells, bells, bells, bells,
 Bells, bells, bells -
 To the rhyming and the chiming of the bells!

III.

Hear the loud alarum bells -
 Brazen bells!
 What a tale of terror, now, their turbulency tells!
 In the startled ear of night
 How they scream out their affright!
 Too much horrified to speak,
 They can only shriek, shriek,
 Out of tune,
 In a clamorous appealing to the mercy of the fire,
 In a mad expostulation with the deaf and frantic fire,
 Leaping higher, higher, higher,
 With a desperate desire,
 And a resolute endeavor
 Now - now to sit, or never,
 By the side of pale-faced moon
 Oh, the bells, bells, bells,
 What a tale their terror tells
 Of despair!
 How they clang, and clash, and roar!
 What a horror they outpour

In the bosom of the palpitating air!
 Yet the ear, it fully knows,
 By the twangling,
 And the clanging,
 How the danger ebbs and flows;
 Yet the ear distinctly tells,
 In the jangling,
 And the wrangling
 How the danger sinks and swells,
 By the sinking or the swelling in the anger of the bells—
 Of the bells;—
 Of the bells, bells, bells,—bells,
 Bells, bells, bells —
 In the clamor and the clangor of the bells!

IV.

Hear the tolling of the bells —
 Iron bells!
 What a world of solemn thought their monody compels!
 In the silence of the night,
 How we shiver with affright
 At the melancholy menace of their tone!
 For every sound that floats
 From the rust within their throats
 Is a groan.
 And the people — ah, the people —
 They that dwell up in the steeple,
 All alone,
 And who tolling, tolling, tolling,
 In that muffled monotone,
 Feel a glory in so rolling —
 On the human heart a stone —
 They are neither man nor woman — —
 They are neither brute nor human —
 They are Ghouls: —
 And their king it is who tolls: —
 And he rolls, rolls, rolls, rolls
 A paean from the bells!
 And his merry bosom swells
 With the paean of the bells!
 And he dances, and he yells;
 Keeping time, time, time,
 In a sort of Runic rhyme,
 To the paean of the bells —
 Of the bells: —
 Keeping time, time, time,
 In a sort of Runic rhyme,
 To the throbbing of the bells —
 Of the bells, bells, bells —
 To the sobbing of the bells;
 Kipping time, time, time,
 As he knells, knells, knells,
 In a happy Runic rhyme,
 To the rolling of the bells —
 Of the bells, bells, bells: —
 To the tolling of the bells —
 Of the bells, bells, bells, bells,
 Bells, bells, bells —
 To the moaning and groaning of the bells.

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА

I.

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!

Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш радостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье
Что волшебю наслажденье - наслажденье нежным сном.
Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,
И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем
Молчаливым обаяньем,
Вместе с звоном, вместе с пеньем, о забвеньи говорят.

II.

Слышишь к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят.
Из призывных дивных кедий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упаяая, брызги светлые летят.
Вновь потухнут, вновь блестят,
И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов,
Возвешаемых согласьем золотых колоколов!

III.

Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов твердят.
Точно молят им помощь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг,-
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться, и кричать, кричать, кричать!
Только плакать о пощаде,
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!
А меж тем огонь безумный
И глухой и мношумный
Все горит,
То из окон, то по крыше,
Мчится выше, выше, выше,
И как будто говорит:
Я хочу

Выше мчаться, рагораться, встречу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчас-тотчас вплоть до месяца взлечу!

О, набат, набат, набат,

Если б ты вернул назад

Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд,

Этот первый взгляд огня,

О котором ты вещаешь, с плачем, с воплем, и звеня!

А теперь нам нет спасенья,

Всюду пламя и кипенье,

Всюду страх и возмущенье!

Твой призыв,

Диких звуков несогласность

Возвещает нам опасность,

То растет беда глухая, то спадает, как прилив!

Слух наш чутко ловит волны в перемене звуковой,

Вновь спадает, вновь рыдает медно-стонущий прибой!

ИУ.

Похоронный слышен звон,

Долгий звон!

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сон.

Звук железный возвещает о печали похорон!

И невольно мы дрожим,

От забав своих спешим

И рыдаем, вспоминаем, что и мы глаза смежим.

Неизменно-монотонный,

Этот возглас отдаленный,

Похоронный тяжкий звон,

Точно стон,

Скорбный, гневный,

И плачевный,

Вырастает в долгий гул,

Возвещает, что страдалец непробудным сном уснул.

В колокольных кельях ржавых,

Он для правых и неправых

Грозно вторит об одном:

Что на сердце будет камень, что глаза сомкнутся сном.

Факел траурный горит,

С колокольни кто-то крикнул, кто-то громко говорит,

Кто-то черный там стоит,

И хохочет, и гремит,

И гудит, гудит, гудит,

К колокольне припадает,

Гулкий колокол качает,

Гулкий колокол рыдает,

Стонет в воздухе немом

И протяжно возвещает о покое гробовом.

②

КОЛОКОЛА

I.

Слышишь, сани с бубенцом
Серебром

Заливают всю окрестность, радость к нам приносят в дом!

Как они звенят, звенят,
В воздухе морозной ночи!
Звезды яркие горят -
Небо с бубенцами в лад
Ту же песню спеть нам хочет.

Еще раз: бим-бом! -

Как руническим стихом
Колокольцев мелодичных сложен дивный перезвон.

Этот звон, звон, звон,

Чистый звон -

О, кристальный, о, хрустальный перезвон!

II.

О, венчальный звон святой,
Золотой!

Звон, гармонией небесной, вечным счастьем налитой!

Благовест и аромат

Этой ночи нас пьянят.

Их расплавленное золото -

Тоже в лад!

Звуков свадебного гимна

Так летит напев старинный: от любимого - к любимой -

В небеса!

Столь торжественный и дивный

Благозвучный перезвон!

Звон растет

И зовет

Прямо в будущее он.

И, в восторге вознесен,

В поднебесье -

Счастья песни

Дарит звон, звон, звон,

Этот звон, звон, звон, -

Светлый звон.

О, ритмичный, мелодичный перезвон!

III.

О, тревожный гулкий стон

Медный звон!

Дикий ужас нам вешает, этим ужасом рожден!

Слух пугая темной ночи,

Диким ревом смерть пророчит!

Он боится говорить -

Может лишь визжать, вопить,

Но не в лад.

И в мольбе своей безумной к милосердию огня

Он упреки безрассудно шлет неистовству огня.

Только пламя выше, выше,

Нас пугая и дразня,

Ввысь ползет, объемлет крышу,

И огня нам не унять,

Там, где бледная луна.

Медный звон, звон, звон -

Безысходный страшный сон.

Медный лязг!

Грохот тот пугает звезды,
 Наполняет воплем воздух,
 В воздух изливая страх!
 Звуки дикие, играя,
 И грохочут,
 И хохочут,
 Отступают, наступают -
 Словно спорят...
 Гул нестройный
 Утихает, нарастает...
 О неистовый и буйный этот страшный медный звон,
 Этот звон, звон, звон,
 Медный звон -
 О безумный, многошумный перезвон!

IV.

Слышишь, мерный перезвон,
 Словно стон!
 Монотонный звук железный предвещает вечный сон.
 Ночью он в тиши пугает:
 Мы трепещем, твердо зная,
 Чем тоскливый звук железный был рожден.
 Каждый звук плывет, печален,
 Будто в чьем-то горле сдавлен
 Долгий стон.
 Что за люд там в колокольне
 Стонет в песне подневольной,
 От людей отъединен?
 Глухо стонет, стонет, стонет,
 Так бессонно, монотонно,
 И на всех людей низводит
 Боль своей тоски бездонной.
 То не люди там во мраке -
 Вурдалаки!
 Их король не говорит,
 А гремит, гремит, гремит,
 И творит
 Сей священный звон!
 Он рождает перезвон,
 И танцует, и вопит.
 Еще раз: бом-боммм!
 Как руническим стихом
 Сложен тот священный звон,
 Этот звон.
 Еще раз: бом-боммм!
 И руническим стихом
 Затрепещет перезвон,
 Мрачный звон.
 Он пугает и рыдает -
 Этот звон,
 Темный звон,
 Предвещает вечный сон -
 Погребальный звон,
 Монотонный похоронный перезвон.

78. TO ONE IN PARADISE

Thou wast that all to me, love,
 For which my soul did pine -
 A green isle in the sea, love,
 A fountain and a shrine,
 All wreathed wth fairy fruits and flowers,
 And all the flowers were mine.

Ah, dream too bright to last!
 Ah, starry Hope! that didst arise
 But to be overcast!
 A voice—from out the Future cries,
 "On! on!" - but o'er the Past
 (Dim gulf!) my spirit hovering lies
 Mute, motionless, aghast!

For, alas! alas! with me
 The light of Life is o'er!—
 "No more - no more - no more -"
 (Such language holds the solemn sea
 To the sands upon the shore)
 Shall bloom the thunder-blasted tree,
 Or stricken eagle soar!

And all my days are trances,
 And all my nightly dreams
 Are where thy dark eyes glances,
 And where thy footsteps gleams -
 In what ethereal dances,
 By what eternal streams.

КОМУ-ТО В РАЮ

Была ты для меня всем тем,
 о чем душа томилась -
 фонтаном, островом в волнах
 и алтарем, увитым
 цветами и плодами, что
 тебе собрал я скрытно.

Сон слишком ярок, чтобы длиться!
 Звезда Надежды лишь встает,
 но облаком должна покрыться.

А мне Грядущее кричит:
 "Вперед!" - но ведь над Прошлым /лёд
 и бездна/ дуж же мой парит
 немой, недвижимый, ибо - вот -

увы! увы! ведь для меня
 погас свет Жизни целой.

"И никогда - и никогда"
 /Такой язык в пределах
 моря содержит - в берегах/
 цветет ли древо, что гроза
 убила? И взлетит ли птах?

Все дни мои - печаль и яд,
 ночные грезы - только там,
 где темные твои глаза глядят,
 где светится твой след. Я сам -
 каких бесплотных танцев ад?
 Каким потокам русло дам?

III. EMILY DICKINSON

(1830 - 1886)

79. I'm Nobody!

I'm Nobody! Who are you?
 Are you - Nobody - too?
 Then there's a pair of us!
 Don't tell! They'd banish us - you know!

How dreary - to be - Somebody!
 How public - like a Frog -
 To tell your name - the live long June -
 To an admiring Bog!

Я - НИКТО

Я - Никто. А ты - ты кто?
 Может быть - тоже - Никто?
 Тогда нас двое. Молчок!
 Чего доброго - выдворят нас за порог.

Как уныло - быть кем-нибудь -
 И - весь июнь напролет -
 лягушкой имя свое выкликать -
 К восторгу местных болот.

(26)

Я - НИКТО

Я - Никто. А ты - ты кто же?
 Может быть, Никто ты тоже?
 Слава Богу, двое нас.
 Но молчи - прогонят с глаз!

Безотрадно - кем-то быть:
 Как лягушка - я, мол, Кто-то -
 Имя весь июнь твердить
 Восхищенному болоту.

(18)

80. THIS IS MY LETTER

This is my letter to the World
That never wrote to Me -
The simple News that Nature told -
With tender Majesty

Her Message is committed
To Hands I cannot see -
For love of Her - Sweet - countrymen -
Judge tenderly - of Me.

Это - письмо мое миру

Это - письмо мое Миру -
Ему - от кого ни письма.
Это вести простые - с такой добротой -
Подказала Природа сама.

Рукам - невидимым - отдаю
Реестр ее каждого дня.
Из любви к ней - Милые земляки -
Судите нежно меня!

(26)

МОЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИТ МИР

Мое письмо получит мир,
Который мне не пишет.
Простые вещи, что в тиши
Мы от Природы слышим.

Я эти вести отдаю
В невидимые руки.
Любя Природу, земляки
Нас строго не осудят..

(18)

81. PUBLICATION - IS THE AUCTION

Publication - is the Auction
 Of the Mind of Man -
 Poverty - be justifying
 For so foul a thing

Possibly - but We - would rather
 From Our Carret go
 White - Unto the White Creator -
 Than invest - Our Snow -

Thought belong to Him who gave it -
 Then - to Him Who bear
 It's Corporeal illustration - Sell
 The Royal Air -

In the Parcel - Be the Merchant
 Of the Heavenly Grace -
 But reduce no Human Spirit
 To Disgrace of Price -

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСТЫДНА

Публикация постыдна.
 Разум - с молотка!
 Скажут - бедность приневолит -
 Голода аркан.

Что ж, допустим. Но уйти
 С чердака честней -
 Белым - к белому Творцу -
 Чем продать свой снег.

Мысль принадлежит по праву
 Лишь тому, - кто мог
 Дать ее небесной сути
 Телесный аналог.

Милостью торгуй Господней /
 С суда - под процент -
 Но не смей унизить Гений
 Ярлыком цены.

87. PUBLICATION - IS THE AUCTION

Publication - is the Auction
Of the Mind of Man -
Poverty - be justifying
For as long a thing

Possibly - but we - would rather
From our Carrot go
White - into the White Groat -
Then invest - Our Snow -

ПУБЛИКАЦИЯ ЕСТЬ АУКЦИОН

Публикация есть Аукцион
Человеческого Ума.
Бедность - определяется
Как грязная вещь сама.

Возможно - но Мы - скорее -
С Нашего Чердака уйдем
Белые - к Белому Творцу -
Чем наш снег продадим.

Мысль принадлежит Тому, Кто дал её -
Затем тому, кто носил.
Её телесную иллюстрацию -
Продать Царский Воздух -

В пакете - быть Купцом
Небесной Милости,
Но не уменьшай Человеческий Дух
До Позора Цены.

Мысль принадлежит по праву
Тому, кто дал её -
Затем тому, кто носил.
Её телесную иллюстрацию -
Продать Царский Воздух -

Мысль принадлежит по праву
Тому, кто дал её -
Затем тому, кто носил.
Её телесную иллюстрацию -
Продать Царский Воздух -

IV. R o b e r t F R O S T

(1874 - 1963)

82. THE PASTURE

I'm going out to clean the pasture spring;
 I'll only stop to rake the leaves away
 (And wait to watch the water clear, I may):
 I'm going out to fetch the little calf
 That's standing by the mother. It's so young,
 It totters when she licks it with her tongue.
 I sha'n't be gone long. - You come too
 I sha'n't be go long. - You come too.

ПАСТБИЩЕ

Я собирался прочистить наш родник.
 Я разгребу над ним опавший лист,
 Любуясь тем, как он прозрачен, чист.
 Я там не задержусь. - И ты приди.

Я собрался теленка привести.
 Он к матери прижался. Так он мал,
 Что от нее едва заковылял.
 Я там не задержусь. - И ты приди..

(17)

ПАСТБИЩЕ

Собирался чистить я на пастбище родник;
 Я задержусь лишь, чтобы листья разгрести
 /И подожду, пока вода чиста не станет/:
 Я там не долго. И ты тоже приходи.

Собрался привести сюда теленка я,
 Что рядом с матерью. Так мал еще он,
 И ковыляет. Мать его оближет.
 Я там не долго. И ты тоже приходи.

(18)

FIRE AND ICE

Some say the world will end in fire,
 Some say in ice.
 From what I've tasted of desire
 I hold with those who favor fire.
 But if it had to perish twice,
 I think I know enough of hate
 To say that for destruction ice
 Is also great
 And would suffice.

ОГОНЬ И ЛЕД

Некоторые говорят, мир погибнет от огня,
 Некоторые - во льду.
 Из того, что я попробовал по желанию,
 Я придерживаюсь огня.
 Но если мир исчезнет дважды,
 Думаю, я знаю достаточно ненависти,
 Чтобы сказать: для разрушенья лед
 Тоже хорош,
 И может подойти.

(18)

ОГОНЬ И ЛЕД

Кто говорит, мир от огня
 Погибнет, кто от льда.
 А что касается меня,
 Я за огонь стою всегда.
 Но если дважды гибель ждет
 Наш мир земной, - ну что ж,
 Тогда для разрушенья лед
 Хорош,
 И тоже подойдет.

(14)

84. BIRCHES

When I see birches bend to left and right
 Across the lines of straighter darker trees,
 I like to think some boy's been swinging them.
 But—swinging doesn't bend them down to stay.
 Ice-storms do that. Often you must have seen them
 Loaded with ice a sunny winter morning
 After rain. They click upon themselves
 As the breeze rises, and turn many-colored
 As the stir cracks and crazes their enamel.
 Soon the sun's warmth makes them shed crystal shells
 Shattering and avalanching on the snow-crust -
 Such heaps of broken glass to sweep away
 You'd think the inner dome of heaven had fallen.
 They are dragged to the withered bracken by the load,
 And they seem not to break; though once they are bowed
 So low for long, they never right themselves:
 You may see their trunks arching in the woods
 Years afterwards, trailing their leaves on the ground
 Like girls on hands and knees that throw their hair
 Before them over their heads to dry in the sun.

БЕРЕЗЫ

Когда березы клонятся к земле
 Среди других деревьев, темных, стройных,
 Мне кажется, что их согнул мальчишка.
 Но не мальчишка горбит их стволы,
 А дождь зимой. Морозным ясным утром
 Их веточки, покрытые глазурью,
 Звенят под ветерком, и многоцветно
 На них горит потрескавшийся лед.
 К полудню солнце припекает их,
 И вниз летят прозрачные скорлупки,
 Что, разбивая наст, нагромождают
 Такие горы битого стекла,
 Как будто рухнул самый свод небесный.
 Стволы под ношей ледяною никнут
 И клонятся к земле. А раз согнувшись,
 Березы никогда не распрямятся.
 И много лет спустя мы набредаем
 На их горбатые стволы с листвою,
 Влачащейся безвольно по земле -
 Как девушки, что, стоя на коленях,
 Просушивают волосы на солнце...

БЕРЕЗЫ

Когда березы изгибаются налево и направо,
 Меж рядов деревьев, более стройных и темных,
 Мне нравится думать, что их раскачивал мальчик.
 Но не раскачка согнула их так,
 А ледяные ветры. Часто ты их видел
 Под грузом льда, зимой, под солнцем, утром,
 После дождя. Звенят они, лишь ветер
 Подует, и чаруют многоцветьем,
 Эмаль трещит их от стволов движенья,
 Под солнцем их хрустальные скорлупки
 Летят на наст, лавиной ниспадают
 И грудой битого стекла искрятся -
 Подумаешь, что рухнул свод небесный.
 Они к кустам пригнулись из-за груза,
 Но не ломаются; раз согнутые -
 Теперь уж никогда не распрямятся.
 Ты видишь их стволы в лесу, как арки,
 С ветвями на земле. Так девушки на солнце,
 Вперед отбросив волосы, их сушат,
 Стоят же на руках и на коленях...

V. Carl SANDBURG

(1878 - 1967)

85. LIMITED

I am riding on a limited express, one of the crack
trains of the nation.

Hurtling across the prairie into blue haze and dark air
go fifteen all-steel coaches holding a thousand
people.

(All the coaches shall be scrap and rust and all the men
and women laughing in the diners and sleepers shall
pass to ashes.)

I ask a man in the smoker where he is going and he
answers: "Omaha".

ЛЮКС

Я еду в экспрессе люкс, этой гордости нации.
Звякая буферами, несутся по прерии сквозь сизую дымку
и закатную мглу пятнадцать цельносталльных вагонов
с тысячью пассажиров
/все вагоны станут кучей ржавого лома, и все пассажиры,
смеющиеся по салон-вагонам и купе, станут прахом./
Я спрашиваю соседа по купе, куда он едет, и он отвечает:
"Омаха".

(17)

"ЛИМИТЕД"

Я еду в "Лимитед Экспресс", одном из роскошеств нации.
Мчатся сквозь прерии в голубую мглу пятнадцать сталльных
вагонов с тысячью пассажиров.
/Все вагоны станут ржавым металлоломом, и все мужчины
и женщины, смеющиеся в салон-вагонах и купе,
станут прахом./
Спрашиваю мужчину в купе для курящих, куда он едет,
и он отвечает: "В Омаху".

(18)

86. GRASS

Pile the bodies high at Austerlitz and Waterloo.
Shovel them under and let me work -

I am the grass; I cover all.
And pile them high at Gettysburg
And pile them high at Ypres and Verdun.
Shovel them under and let me work.

Two years, ten years, and passengers ask conductor:
What place is this?
Where are we now?

I am the grass.
Let me work.

ТРАВА

Свалите трупы в кучу под Аустерлицем и Ватерлоо.
Заройте в землю и дайте мне работу -

Я трава; я покрываю всех.
Еще выше нагромоздите их под Геттисбергом,
Еще выше у Ипра и под Верденом,
Заройте их в землю и дайте мне работу.

Два года, десять лет, - и пассажиры спросят кондуктора:
Что это за место?
Где мы сейчас?

Я трава.
Дайте мне работать.

(18)

ТРАВА

Нагромоздите тела под Аустерлицем и Ватерлоо,
Сложите в могилу и дайте мне работать:

Я - трава; я покрываю всё.
Нагромоздите их выше под Геттисбургом,
Нагромоздите выше под Верденом, у Ипра,
Сложите в могилу и дайте мне работать.

Два года, десять лет, и пассажиры спросят кондуктора:
"Что это за места?
Где мы теперь?"

Я - трава.
Дайте мне работать.

(17)

VI. E z r a P O U N D

(1885 - 1972)

A GIRL

The tree has entered my hands,
 The sap has ascended my arms,
 The tree has grown in my breast -
 Downward,
 The branches grow out of me, like arms.

Tree you are,
 Moss you are
 You are violets with wind above them.
 A child - so high - you are
 And all this folly to the world.

ДЕВУШКА

Дерево вошло в мои ладони,
 Сок поднялся по моим рукам,
 Дерево выросло в груди -
 Верхушкой вниз,
 Ветви выросли из меня, как руки.

Ты - дерево,
 Ты - мох,
 Фиалки с ветром над ними,
 Дитя - уже большое - ты,
 И вся - каприз для мира.

(18)

COMMISSION IV

Go, my songs, to the lonely and the unsatisfied,
Go also to the nerve-racked, go to the enslaved-by-convention,
Bear to them my contempt for their oppressors.
Go as a great wave of cool water,
Bear my contempt of oppressors.

Speak against unconscious oppression,
Speak against the tyranny of the unimaginative,
Speak against bonds.
Go to the bourgeoisie who is dying of her ennui,
Go to the women in suburbs.
Go to the hideously wedded,
Go to them whose failure is concealed,
Go to the unluckily mated
Go to the bought wife,
Go to the woman entailed.

Go to those who have delicate lust,
Go to those whose delicate desires are thwarted,
Go like a blight upon the dullness of the world;
Go with your edge against this,
Strengthen the subtle cords,
Bring confidence upon the algae and the tentacles of the soul.

Go in a friendly manner,
Go with an open speech.
Be eager to find new evils and new good,
Be against all forms of oppression.
Go to those who are thickened with middle age,
To those who have lost their interest.

Go to the adolescent who are smothered in family, -
Oh how hideous it is
To see three generations of one house gathered together!
It is like an old tree with shoots,
And with some branches rotted and falling.

Go out and defy opinion,
Go against this vegetable bondage of the blood.
Be against all sorts of mortmain.

ПОРУЧЕНИЕ

Идите, мои песни, к одиноким и неудовлетворенным,
 А также к нервным, поработанным условностями,
 Неся им мое презрение к их притеснителям.
 Мчитесь, как волна воды холодной,
 Неся мое презрение к угнетателям.

Возражайте бессознательному угнетению,
 Возражайте тирании обделенных воображением,
 Возражайте против оков.

Идите к умирающей от скуки буржуазии,
 Идите к женщинам предместий.
 Идите к отвратительно выданным замуж,
 Идите к тем, чье паденье скрыто,
 Идите к неудачно соединенным,
 Идите к купленным женам,
 Идите к завещанным женам.

Идите к имеющим изысканную страсть,
 Идите к тем, чьи утонченные желания разрушены,
 Несите гибель скуке мира;
 Направьте свое острие против всего этого,
 Укрепите слабые веревки,
 Неся уверенность в щупальцах души.

Идите по-дружески,
 Идите с открытой речью,
 Старайтесь отыскать новое зло и новое добро,
 Будьте против всех форм угнетения.
 Идите к тем, кто полнеет с возрастом,
 К тем, кто потерял свой интерес.

Идите к юным, задыхающимся в семье, -
 О как отвратительно видеть
 Три поколения, собранные в одном доме!
 Будто рядом с побегами - старое дерево,
 Чьи ветви гниют и падают.

Выйдите и составьте себе мнение,
 Воспротивьтесь овощному рабству крови.
 Будьте против всех видов недвижимости.

VII. edward estlin cummings

(1894 - 1962)

MY SWEET OLD ETCETERA

my sweet old etcetera
 aunt lucy during the recent
 war could and what
 is more did tell you just
 what everybody was fighting
 for,
 my sister
 isabel created hundreds
 (and
 hundreds) of socks not to
 mention shirts Fleaproof earwormers
 etcetera wristes etcetera, my
 mother hoped that
 i would die etcetera
 bravely of course my father used
 to become hoarse talking about how it was
 a privilege and if only he
 could meanwhile my
 self etcetera lay quietly
 in the deep mud et
 cetera
 (dreaming,
 et
 cetera, of
 Your smile
 eyes knees and of your Etcetera

174

RAIN OR HAIL

rain or hail
sam done
the best he kin
till they digged his hole

: sam was a man
stout as a bridge
rugged as a bear
slickern a weazel
how be you
(sun or snow)

gone into what
like all them kings
you read about
and on him sings
a whippoorwill;

heart was big
as the world aint square
with room for the devil
and his angels too
yes sir

what may be better
or what may be worse
and what may be clover
clover clover
(nobody'll know)

sam was a man
grinned his grin
done his chores
laid him down.
Sleep well

МОЕ МИЛОЕ СТАРОЕ ЭТСЕТЕРА

мое милое старое и так далее
 тѣтя люси во время недавней

войны могла и даже
 больше говорила тебе
 за что сражался

каждый,
 моя сестра

изабель связала сотни
 /и

сотни/ носок не говоря уж
 о противоблошинных рубашках ухогрейках
 и так далее этсетера мсѣ
 мать надеялась что
 я погибну и так далее
 героически конечно мой отец
 до хрипоты твердил какая это
 были бы привилегия если б он
 смог а я тем

временем тихо лежал
 глубоко в грязи эт-

сетера
 /мечтая
 и так

далее ■
 Твоей улыбке
 глазах коленях и о твоём Этсетера.

ДОЖДЬ ИЛИ ГРАД

дождь или град
сэм старался
пока его
не закопали целиком

: сэм был человек
крепок как мост
силен как медведь
ловок как горноста
вроде тебя

/солнце или снег/

отбыл в то что
как все короли
о которых читаешь
а над ним поет

жалостливый козодой
велико было сердце
а мир не прост
с местом дьявола
для ангелов тоже

да, сэр
что может быть **лучше**
или что хуже
и что это клевер
клевер клевер

/никто не узнает/

сэм был человек
широко усмехался
делал свое дело
лег навсегда
Доброго сна

VIII. R o b e r t L O W E L L

(1917 - 1977)

91. JULY IN WASHINGTON

The stiff spokes of his wheel
touch the sore spots of the earth.

On the Potomac, swan-white
power launches keep breasting the sulphurous wave.

Otters slide and dive and slick back their hair
raccoons clean their meat in the creek.

On the circles, green statues ride like South American
liberators above the breeding vegetation -
prongs and spearheads of some equatorial
backland that will inherit the globe.

The elect, the elected... They come here bright as dimes,
and die dishevelled and soft.

We cannot name their names, or number their dates -
circle on circle, like rings on a tree -

but we wish the river had another shore,
some further range of delectable mountains,

distant hills powdered blue as a girl's eyelid.
It seems at least little shove would land us there,
that only the slightest repugnance of our bodies
we no longer control could drag us back.

ИЮЛЬ В ВАШИНГТОНЕ

Как грубо спицы этого руля,
касаясь язв земли, их раздражают!

На Потомаке, лебедино-белы,
сернистую волну взрезают катера.

Нырют выдры, блещут своим мехом,
в ручье полощут мясо там еноты.

И всадники зеленые встают, как южно-
американские освободители -

их пьедесталы над экваториальной
порослью, что наследует весь мир.

Избранники... Блещат, как мгривенники,
к концу же должности тукнеют, умирая.

Не называем их и дат их - круг за кругом,
как кольца дерева, - но хотели б мы,

чтоб у реки иной был берег, чтобы
чуть дальше был хребет далеких гор,

подсиненных, словно девицьи веки.
И кажется - чуть-чуть, и мы уж там,

и лишь телесное сопротивление
не позволяет нам взлететь, сгибает нас.

178

92. THE LESSON

No longer to lie reading "Tess of the d'Urbervilles",
while the high, mysterious squirrels
rain small green branches on our sleep!

All that landscape, one likes to link it died
or slept with us, that we ourselves died
or slept then in the age and second of our habitation.

The green leaf cushions the same dry footprint,
or the child's boat luffs in the same dry chop,
and we are where we were. We were!

Perhaps the trees stopped growing in summer amnesia;
their day that gave them veins in rooted down -
and the nights? They are for sleeping now as then.

Ah the light lights the window of my young night,
and you never turn off the light,
while the books lie in the library, and go on reading.

The barberry berry sticks on the small hedge,
cold slits the same crease in the finger,
the same thorn hurts. The leaf repeats the lesson.

УРОК

Нам больше не лежать, читая "Тэсс",
пока таинственные белки хвойным
дождем наш сон засыплют из иголок.

И весь ландшафт - хотелось бы, чтоб умер
иль с нами спал, чтоб умерли мы сами
иль спали б век-другой сей жизни бральной.

Покрыл зеленый лист тот самый след,
иль лодка детская плывет в ручье сухом,
мы были там, где были мы. Мы были!

Деревья не растут от летней амнезии;
день, что им вены дал, закопан, что же ночь?
И хочется им спать и ныне, как тогда.

Огонь зажег окно моей юной ночи,
и выключить его не можешь ты,
пока в библиотеке книги. Продолжай читать.

У изгороди барбариса ветки; их укол
холодный жалит палец - то колючка
всё та же ранит. И урок лист повторяет.

IX. A l l e n G I N S B E R G

(1926 - 1997)

93. A SUPERMARKET IN CALIFORNIA

What thoughts I have of you tonight, Walt Whitman, for I walked down the sidestreets under the trees with a headache self-conscious looking at the full moon.

In my hungry fatigue, and shopping for images, I went into the neon fruit supermarket, dreaming for your enumerations!

What peaches and what penumbras! Whole families shopping at night! Aisles full of husbands! Wives in the avocados, babies in the tomatoes! - and you, Garcia Lorca, what were you doing down by the watermelons?

I saw you, Walt Whitman, childless, lonely old grubber, poking among the meats in the refrigerator and eyeing the grocery boys.

I heard you asking questions of each: Who killed the pork chops? What price bananas? Are you my Angel?

I wandered in and out of the brilliant stacks of cans following you, and followed in my imagination by the store detective.

We strode down the open corridors together in our solitary fancy tasting artichokes, possessing every frozen delicacy, and never passing the cashier.

Where are we going, Walt Whitman? The doors close in an hour. Which way does your beard point tonight?

(I touch your book and dream of our odyssey in the supermarket and feel absurd.)

Will we walk all night through solitary streets? The trees add shade to shade, lights out in the houses, we'll both be lonely.

Will we stroll dreaming of the lost America of love past blue automobiles in driveways, home to our silent cottage?

Ah, dear father, graybeard, lonely old courage-teacher, what America did you have when Charon quit poling his ferry and you got out on a smoking bank and stood watching the boat disappear on the black waters of Lethe?

СУПЕРМАРКЕТ В КАЛИФОРНИИ

Какие мысли у меня возникли о тебе, Уолт Уитмен, пока я шел по улочкам с мигренью, самовлюбленно глядя на луну?

В усталости голодной, покупая образы, зашел я в супермаркет, вспомнив все твои перечисленья!

Какие персики, какие полутени! И семьями клиенты входят ночью! Мужья в проходах, жены - в авокадо, малышт в томатах! - а ты, Гарсиа Лорка, - среди арбузов что ты делал?

Я видел, Уолт Уитмен, старый корчеватель, - бездетный, одинокий - как ты трогал мясо, что в холодильнике, глаза на мальчишек в бакалее.

Я слышал, как ты спрашивал: кто поросят убил? в какую цену бананы? ты ли мой Ангел?

Я бродил туда-сюда вслед за тобой вдоль штабелей блестящих банок, представляя, что за мной крадется магазинный детектив.

Мы шагали вместе по коридорам, в своем одиноком воображении пробуя артишоки, владея всеми морожеными деликатесами, никогда не проходя мимо кассира.

Куда идем мы, Уолт Уитмен? Двери через час закроются. В каком направлении в этот вечер указывает твоя борода?

/Касаясь твоей книги и мечтая о нашей одиссее в супермаркете, я чувствую - она абсурд/.

Бродить ли будем по пустынным улицам всю ночь? Деревья прибавляют к тени тень, в домах огни погасли, и мы с тобой одиноки.

Гулять ли будем, думая о потерянной Америке любви, и мимо голубых автомобилей вернемся снова в наш молчаливый дом?

О, дорогой отец, седобородый одинокий учитель отваги, какой Америкой владел ты, когда Харон на своей лодке привез тебя на дымящийся берег, а ты стоял, глядя, как теряется лодка в черных водах Леты?

B O K O B A H O H O B

X. V l a d i m i r N A B O K O V

1899 - 1977

(1899 - 1977)

A DISCOVERY

I found it in a legendary land
all rocks and lavender and tufted grass,
where it was settled on some sodden sand
hard by the torrent of a mountain pass.

The features it combines mark it as new
to science: shape and shade - the special tinge,
akin to moonlight, tempering its blue,
the dignified underside, the chequered fringe.

My needles have teased out its sculptured sex;
corroded tissues could no longer hide
that priceless mote now dimpling the convex
and limpid teardrop on a lighted slide.

Smoothly a screw is turned; out of the mist
two ambered hooks symmetrically slope,
or scales like battledores of amethyst
cross the charmed circle of the microscope.

I found it and I named it, being versed
in taxonomic Latin; thus became
godfather to an insect and its first
describer. - and I want no other fame.

Wide open on its pin (though fast asleep),
and safe from creeping relatives and rust,
in the secluded stronghold where we keep
type specimens it will transcend its dust.

Dark pictures, thrones, the stones that pilgrims
kiss,

poems that take a thousand years to die
but ape the immortality of this
red label on a little butterfly.

Cambridge, Massachusetts, 1943.

ОТКРЫТИЕ

Ее нашел я в сказочной стране,
 где скалы и лаванда и трава,
 она располагалась на песке
 тугом и влажном. И она была

в науке чем-то новым: некий звон,
 как лунный свет, смягчает синеву,
 и формой, и нюансом правит он
 и оттеняет крыльев бахрому.

Моя игла игла ее неясный пол,
 дразня, открыла; видели глаза
 бесценное пятно, что я нашел,
 под линзой - прозрачная слеза.

Винт повернулся; стал туман лучист,
 и из него возникли два крючка
 или ракетки - чистый аметист
 в глубинах микроскопа и сачка.

Ее нашел, ее и сам назвал;
 так крестным насекомого я был,
 отцом и писателем я стал -
 иной судьбы я даже не просил.

В укромной цитадели не одна,
 не страшен средь сородичей ей плен,
 пусть на булавке, пусть в объятьях сна,
 но здесь переживет она и тлен.

Картины, троны, камни, письмена,
 поэмы, все создания людей -
 ничто перед бессмертием клейма
 на маленькой на бабочке моей.

Кембридж, Массачуссетс, 1943.

THE POEM

Not the sunset poem you make when you think
 aloud,
 with its linden tree in India ink
 and the telegraph wires across its pink
 cloud;
 not the mirror in you and her delicate bare
 shoulder still glimmering there;
 not the lyrical click of a pocket rhyme -
 the tiny music that tells the time;
 and not the pennies and weights on those
 evening papers piled up in the rain;
 not the cacodemons of carnal pain;
 not the things you can say so much better in plain
 prose -
 but the poem that hurtles from heights unknown -
 when you wait for the splash of stone
 deep below, and grope for your pen,
 and then comes the shiver, and then -
 in the tangle of sounds, the leopards of words,
 the leaflike insects, the eye-spotted birds
 fuse and form a silent, intense,
 mimetic pattern of perfect sense.

Cambridge, Massachusetts, 1944

ПОЭМА

Когда думаешь вслух, ты не пишешь тогда
 поэму
 ту, где тушью - закат, липа и провода
 через облако, нет - там вовсе не та
 проблема;
 не зеркало в тебе, не нагое ее
 там изящное плечико манит еще;
 не лирический звук прикарманенных рифм -
 этой музыки кукол, что час говорит;
 не гроши, не веса тех вечерних газет,
 что лежат под дождем; не свирепый и злой
 дух, в котором лишь плотская боль;
 всё не то, что ты скажешь нам прозой простой -
 о нет! -
 но поэма, что льется с каких-то высот -
 когда ждешь ты от камня звук снизу, и вот
 всплеск! - и тут ты хватаешь перо, а затем -
 чудный трепет грядет, вне сюжетов и тем -
 вихрь звуков, и слов леопарды бегут,
 насекомые роем, и птицы поют,
 всё без звука сплавляя, творя безыскусно
 подражательный шип совершенного чувства.

Кембридж, Массачуссетс, 1944

AN EVENING OF RUSSIAN POETRY

"...seems to be the best train. Miss Ethel Winter of the Department of English will meet you at the station and..."

(From a letter addressed to the visiting speaker)

The subject chosen for tonight discussion is everywhere, though often incomplete: when their basaltic banks become too steep, most rivers use a kind of rapid Russian, and so do children talking in their sleep. My little helper at the magic lantern, insert that slide and let the colored beam project my name or any such-like phantom in Slavic characters upon the screen. The other way, the other way. I thank you.

On mellow hills the Greek, as you remember, fashioned his alphabet from cranes in flight; his arrows crossed the sunset, then the night. Our simple skyline and a taste for timber, the influence of hives and conifers, reshaped the arrows and the borrowed birds. Yes, Sylvia?

- Why do you speak of words when all we want is knowledge nicely browned?

Because all hangs together - shape and sound, heather and honey, vessel and content. Not only rainbows - every line is bent, and skulls and seeds and all good words are round, like Russian verse, like our colossal vowels: those painted eggs, those glossy pitcher flowers that swallow whole a golden bumblebee, those shells that hold a thimble and the sea. Next question.

- Is your prosody like ours?

Well, Emmy, our pentameter may seem to foreign ears as if it could not rouse the limp iambus from its pyrrhic dream. But close your eyes and listen to the line. The melody unwinds; the middle word is marvelously long and serpentine: you hear one beat, but you have also heard the shadow of another, then the third touches the gong, and then the fourth one sighs. It makes a very fascinating noise: it opens slowly, like a greyish rose in pedagogic films of long ago. The rhyme is the line's birthday, as you know, and there are certain customary twins in Russian as in other tongues. For instance, love automatically rhymes with blood, nature with liberty, sadness with distance, moon with a multitude of words, but sun and song and wind and life and death with none. Beyond the seas where I have lost a scepter, I hear the neighing of my dappled nouns, soft participles coming down the steps, treading on leaves, trailing their rustling gowns, and liquid verbs in -ahla and in -ili, Aonian grottoes. nights in the Altai, black pools of sound with "I's for water lilies.

ВЕЧЕР РУССКОЙ ПОЭЗИИ

"...похоже, самый удобный поезд.
Мисс Этель Уинтер с английского
факультета встретит вас на
вокзале и..."

/Из письма приглашенному лектору/

Предмет беседы, выбранный сегодня,
пусть и не в полной мере, но во всем:
когда становится их берег крут,
почти все реки говорят по-русски,
и так во снах своих лепечут дети.
Моя помощница у эпидиаскопа,
поставьте этот слайд, и пусть нам луч
покажет мое имя в русских буквах
иль даст похожий призрак на экран.
Наоборот, наоборот. Спасибо.

Средь гор своих античный грек все формы
для алфавита взял у журавлей;
его стрела зажат пронзала, ночь.
Н а ш горизонт и склонность к древесине,
влиянье ульев, хвои - изменили
и стрелы, и заимствованных птиц.
Да, Сильвия?

- Зачем вы о словах?

Мы ждем от вас лишь свежих, вкусных знаний.

Да потому, что все дается разом -
звук, форма, вереск, мед, сосуд, вода.
Не только радуги округлы - семя,
и череп, и все добрые слова,
как русский стих, как образ наших гласных:
то крашеные яйца, то кувшинки,
в чьей пасти исчезает шмель златой,
то раковины, где с наперстком море.
Еще вопрос?

- А что просодия?

Ну, Эмми, наш пентаметр для чужих
звучит, как будто разбудить не может
от сна в пиррихии наш холиямб.
Глаза закройте, вслушайтесь вот в строчку.
Мелодия расходится, и слово
посередине так длинно и мило:
ты слышишь такт и даже тень другого,
а тут же третий - гонг, и вздох - четвертый.
Все это порождает дивный шум;
он раскрывается подобно розе
из черно-белых фильмов прошлых лет.
Вот рифма - день рожденья строчки. Эти
привычные двойняшки существуют
и в нашем языке, как и в других.
Так, кровь у нас рифмуется с любовью,
князь с гязью; мы луну свою рифмуем
со многими словами, а вот солнце,
жизнь, ветер, песню, смерть - ни с чем.

За морем, где утрачен скипетр мой,
чу - пегих существительных там ржанье,
а вот причастья, стелющие там
по листьям шелестящие плащи,
какой-нибудь глагол на -ала, -или,
грот ионийский, ночи на Алтае,
и черный омут "и" у "лилии".

The empty glass I touched is tinkling still,
but now 'tis covered by a hand and dies.

- Trees? Animals? Your favorite precious stone?

The birch tree, Cynthia, the fir tree, Joan.
Like a small caterpillar on its thread,
my heart keeps dangling from a leaf long dead
but hanging still, and still I see the slender
white birch that stands on tiptoe in the wind,
and firs beginning where the garden ends,
the evening ember glowing through their cinders.

Among the animals that haunt our verse,
that bird of bards, regale of night, comes first:
scores of locutions mimicking its throat
render its every whistling, bubbling, bursting,
flutelike or cuckoolike or ghostlike note.
But lapidary epithets are few;
we do not deal in universal rubies.
The angle and the glitter are subdued;
our riches lie concealed. We never liked
the jeweler's window in the rainy night.

My back is Argus-eyed. I live in danger.
False shadows turn to track me as I pass
and, wearing beards, disguised as secret agents,
creep in to blot the freshly written page
and read the blotter in the looking glass.
And in the dark, under my bedroom window,
until, with a chill whirr and shiver, day
presses its starter, warily they linger
or silently approach the door and ring
the bell of memory and run away.

Let me allude before the spell is broken,
to Pushkin, rocking in his coach on long
and lonely roads: he dozed, then he awoke,
undid the collar of his traveling cloak,
and yawned, and listened to the driver's song.
Amorphous sallow bushes called r a k e e t y ,
enormous clouds above an endless plain,
songline and skyline endlessly repeated,
the smell of grass and leather in the rain.
And the the sob, the syncope (Nekrasov!),
the panting syllables that climb and climb,
obsessively pepetitive and rasping,
dearer to some than any other rhyme.
And lovers meeting in a tangled garden,
dreaming of mankind, of untrammelled life,
mingling their longings in the moonlit garden,
where trees and hearts are larger than in life.
This passion for expansion you may follow
throughout out poetry. We want the mole
to be a lynx or turn into a swallow
by some sublime mutation of the soul.
But to unneeded symbols consecrated,
escorted by a vaguely infantile
path for bare feet, our roads were always fated
to lead into the silence of exile.

Пустой бокал звенит лишь от касанья,
но вот покрыт рукою - и он умер.

- Деревья? Звери? Камни, что любимы?

Береза, Синтия, и ель, Джоан.
Как гусеница малая на пряже,
так сердце на засохшем уж листе
висит, но все же вижу ту березу,
на цыпочках стоящей на ветру,
и ёлки на границе того сада,
и угольки заката, что меж них.

Среди зверей, что населяют стих наш,
лидирует услада ночи - соловей,
чьи трели, свист, журчанье, треск - как флейта,
подобие кукушки или призрака;
бесценно его горла мастерство.
Эпитетов печатных у нас мало;
нам дела нет до всяческих рубинов.
Сверканье, блеск - приглушены немного;
богатство наше - в тайне. Никогда
не привлечет нас ювелир среди ночи.

И на спине моей глаза. Вокруг опасность.
За мною всюду следуют те тени,
что смахивают сильно на шпионов,
крадутся, чтоб страницу промакнуть
и в зеркале увидеть промокашку.
Во тьме, где окна моей спальни, до тех пор,
пока стартер свой с кашлем выжимает день,
таскаются они и так и эдак,
а то - подходят к двери и звонят
в мой колокольчик памяти - и убегают.

Коль чары не разрушены пока,
сошлюсь на Пушкина - трясется он в коляске
по длинным и пустым дорогам: дремлет
и просыпается, мучительно зевая
под песню ямщика, что бесконечна.
Кусты бесформенные - их зовут rakeety -
и облака огромные над полем,
строка из песни и, конечно, горизонт -
рефреном к запаху травы и кожи.
Затем - всхлип, обморок /Некрасов!/ Слоги
стремятся вверх; навязчивы повторы,
скрежещущие, но милые для многих.
Влюбленные в запущенном саду
мечтают о свободе для народа,
сливая свои страсти; под луной
деревья и сердца - мощней, чем в жизни.
Такую страсть к пространству вы не раз
в поэзии найдете нашей. Крот у нас -
то рысь, то даже ласточка; при этом
всё превращенье происходит в душах.
По инфантильным тропам мы брели
с ненужной ношей символов каких-то;
да, босиком - по тем дорогам, что
обречены вести лишь в глушь изгнанья.

Had I more time tonight I would unfold
the whole amazing story - n e i g h u k l u z h e ,
n e v y n o s s i m o - but I have to go.
What did I say under my breath? I spoke
to a blind songbird hidden in a hat,
safe from my thumbs and from the eggs I broke
into the gibus brimming with their yolk.

And now I must remind you in conclusion,
that I am followed everywhere and that
space is collapsible, although the bounty
of memory is often incomplete:
once in a dusty place in Mora county
(half town, half desert, dump mound and mesquite)
and once in West Virginia (a muddy
red road between an orchard and a veil
of tepid rain) it came, that sudden shudder,
a Russian something that I could inhale
but could not see. Some rapid words were uttered -
and then the child slept on, the was shut.

The conjurer collects his poor belongings -
the colored handkerchief, the magic rope,
the doublebottomed rhymes, the cage, the song.
You tell him of the passes you detected.
The mystery remains intact. The check
comes forward in its smiling envelope.

- How would you say "delightful talk" in Russian?
- How would you say "good night"?

Oh, that would be:

Bessonnitsa, tvoy vzor oonyl i strashen;
lubov moya, etstcoopnika preste.
(Insomnia, your stare is dull and ashen,
my love, forgive me this apostasy.)

Cambridge, Massachussets, 1945

Имей я больше времени, я б смог
 раскрыть вам всю историю - neighukluzhe,
 nevynossimo - но пора идти.
 Что я шепнул? Я говорил о том,
 что в безопасности теперь слепая
 та птица, чьи я яйца крал когда-то
 и шляпу их желтками наполнял.

Теперь я в заключение вам напомним,
 что следует за мной повсюду нечто,
 что все это пространство разрушимо,
 хоть щедрость памяти так часто неполна:
 однажды в пыльном месте /округ Мора,
 то ль город, то ль пустыня - мусор, шум/,
 другой раз в Западной Вирджинии
 /дорога между садом и дождем/,
 она являлась, эта дрожь, внезапно,
 то нечто русское, что мог вдохнуть я,
 но не увидеть. Беглые слова
 мелькнули - и дитя заснуло вновь.

Вот фокусник собирает бедный скарб:
 двойной платок, канат и клетку,
 с двойным дном рифмы и, конечно, песню.
 Вы не раскрыли ль фокусы его?
 Нет, тайна сохранилась. Чек явился
 на свет в своем веселеньком конверте.

- Как по-русски "очаровательна беседа"?
 И как бы вы сказали "до свиданья"?

О, вот так:

Bessonnitsa, tvoy vzor conyl i strashen;
 ljubov moja, otstoonnika prostee.
 Бессонница, твой взор уныл и страшен;
 любовь моя, отступника прости!

Кембридж, Массачуссетс, 1945

(18)

THE POPLAR

Before this house a poplar grows
 well versed in dowsing, I suppose,
 but how it sighs! And every night
 a boy in black, a girl in white
 beyond the brightness of my bed
 appear, and not a word is said.

On coated chair and coatless chair
 they sit, one here, the other ther.

I do not care to make a scene:
 I read a glossy magazine.

He props upon his slender knee
 a dwarfed and potted poplar tree.

And she - she seems to hold a dim
 hand mirror with an ivory rim

framing a lawn, and her, and me
 under the prototypic tree,

before a pillared porch, last seen
 in July, nineteen seventeen.

This is the silver lining of
 pathetic falacies: the sough
 of P o p u l u s that taps at last
 not water but the author's past.

And note: nothing is ever said.
 I read a magazine in bed

or HOME BOOK OF VERSE; and note:
 this is my shirt, that is my coat.

But frailer seers T am told
 get up to rearrange a fold. (S)

Ithaka, New York, 1952

ТОПОЛЬ

Пред этим домом - тополь там растет,
похоже, дока в отысканье вод,
но как вздыхает он! И по ночам
мальчишка с девочкой приходят к нам

и позади моей кровати вновь
садятся оба безо всяких слов.
Тут мягкий стул для них, и твердый там -
так и сидят детишки по ночам.

Я не устраиваю сцен - зачем?
Читаю глянецовый журнал без сцен.
В коленях у него топрик был -
уменьшенный, как будто комнатный.

А у нее - в оправе из кости
слоновой - зеркальце, а в нем, прости,
как в раме - и лужайка, и она,
и я под прототипом-древом... Да -

пред портиком, с которым был в ладу
в последний раз в семнадцатом году.
То серебро патетики моих
ошибок, заблуждений: это их

и "Попьюласа" шелест, где теперь
уж не вода, но прошлое, поверь.
Заметь, никто и слова не сказал.
Читаю я в постели свой журнал,

"Стихов самоучитель" ли; итак -
моя рубашка здесь, там - мой пиджак.
Но сказано: другие вновь придут
разгладить складки на постели тут.

Итака, Нью-Йорк, 1952

ON TRANSLATING "EUGENE ONEGIN"

1.

What is translation? On a platter
 a poet's pale and glaring head,
 a parrot's screech, a monkey's chatter,
 and profanation of the dead.
 The parasites you were so hard on
 are pardoned if I have pardon,
 o Pushkin, for my stratagem:
 I travelled down your secret stem,
 and reached the root, and fed upon it;
 then, in a language newly learned,
 I grew another stalk and turned
 your stanza patterned on a sonnet,
 into my honest roadside prose --
 all thorn, but cousin to your rose.

2.

Reflected words can only shiver
 like elongated lights that twist
 in the black mirror of a river
 between the city and the mist.
 Elusive Pushkin! Persevering,
 I still pick up Tatiana's earring,
 still travel with your sullen rake.
 I find another man's mistake,
 I analyze alliterations
 that grace your feasts and haunt the great
 fourth stanza of your Canto Eight.
 This is my task - a poet's patience
 and scholiastic passion blent:
 dove-droppings on your monument.

Ithaka, New York, 1955

НА ПЕРЕВОД "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"

I

Что перевод есть? Будто в раке,
 поэта голова, а с ней
 визг попугая, бред макаки
 и профанация теней.
 А паразиты твоих песен
 все прощены, прошен был если,
 о Пушкин, за уловку я:
 в твой ствол секретов бытия
 нырнув, достигнув корня, этим
 на чуждом языке взрастил
 ветвь новую, и превратил
 твою строфу, сродни сонету,
 я в прозу честную свою -
 в ней твою розу узнаю.

2.

Так отблеск слов дрожит хрустально,
 как свет, посеянный луной,
 но искаженный тьмой зеркальной
 реки меж городом и мглой.
 Неуловимый Пушкин! Всё же
 ишу Татьянины сережки,
 с твоим повесой я брожу.
 Твои созвучья нахожу,
 что украшают чудной властью
 твои великий пиры -
 четвертый стих восьмой главы.
 Мне б сплавить труд певца со страстью
 писца, чтоб получить взамен
 помет на твой же монумент.

Итака, Нью-Йорк, 1955

(18)

Итака, Нью-Йорк, 1955

(18)

194

RAIN

How mobile is the bed on these
nights of gesticulating trees
when the rain clatters fast,
the tin-toy rain with dapper hoof
trotting upon an endless roof,
traveling into the past.

Upon old roads the steeds of rain
slip and slow down and speed again
through many a tangled year;
but they can never reach the last
dip at the bottom of the past
because the sun is there.

Ithaca, New York, 1956

ДОЖДЬ

Подвижна так кровать в ночи
деревьев, машущих в тиши,
когда лепечет дождь -
игрушечный солдат-крепыш,
бегущий по пустыням крыш
туда, в былое, прочь.

По старым трактам конь дождя
несет то быстро, то скользя
сквозь лет и шум и гам;
но не достичь никак, о нет,
последней в глубины на дне
былого - солнце там.

Итака, Нью-Йорк, 1956

(18)

That Sunday morning, at half past ten,
 two cars crossed the creek and entered the glen.
 In the first was Art Longwood, a local florist,
 with his children and wife (now Mrs. Deforest).
 In the one that followed, a ranger saw
 Art's father, stepfather and father-in-law.
 The three old men walked off to the cove.
 Through tinkling weeds Art slowly drowe.
 Fair was the morning, with bright clouds afar.
 Children and comics emerged from the car.
 Silent Art, who could stare at a thing all day,
 watched a bug climb a stalk and fly away.
 Pauline had asthma, Paul used a crutch.
 They were cute little rascals but could not run much.
 "I wish," said his mother to crippled Paul,
 "Some man would teach you to pitch that ball."
 Silent Art took the ball and toosed it high.
 It stuck in a tree that was passing by.
 And the grave green pilgrim turned and stopped.
 The children waited, but no ball dropped.
 "I never climbed trees in my timid prime,"
 thought Art; and forthwith started to climb.
 Now and then his elbow or knee could be seen
 in a jigsaw puzzle of blue and green.
 Up and up Art Longwood swarmed and shinned,
 and the leaves said y e s to the questioning wind.
 What tiaras of gardens! What torrents of light!
 How accessible ether! How easy flight!
 His family circled the tree all day.
 Pauline concluded: "Dad climbed away."
 None saw the delirious celestial crowds
 greet the hero from earth in the snow of the clouds.
 Mrs. Longwood was getting a little concerned.
 He never came down. He never returned.
 She found some change at the foot of the tree.
 The children were bored. Paul was stung by a bee.
 The old men walked over and stood looking up,
 each holding five cards and a paper cup.
 Cars on the highway stopped, backed, and then
 up a ruten road waddled into the glen.
 And the tree was suddenly full of noise,
 conventioners, fishermen, freckled boys.
 Anacondas and pumas were mentioned by some,
 all kinds of humans continued to come:
 three surgeons, detectives, the fire brigade,
 an ambulance parked in the dancing shade.
 A drunken rogue with a rope and a gun
 arrived on the scene to see justice done.
 Explorers, dendrologists - all were there;
 and a strange pale girl with gypsy hair.
 And from Cape Fear to Cape Flattery
 every paper had: MAN LOST IN TREE.
 And the sky-bound oak (where owls had perched
 and the moon dripped gold) was felled and searched.
 They discovered some inchworms, a red-cheeked gall,
 and an ancient nest with a new-laid ball.
 They varnished the stump, put up railings and sighs
 Restrooms nestled in roses and vines.
 Mrs. Longwood, retouched, when the children died,
 became a photographers' dreamy bride.
 And now the Deforests, with f o u r old men,
 like regular tourists visit the glen.
 Munch their lunches, look up and down,
 wash their hands, and drive back to town.

БАЛЛАДА ЛОНГВУДСКОГО УЩЕЛЬЯ

В пол-одиннадцатого утра в воскресенье две машины пересекли ручей и въехали в ущелье. Местный цветовод Арт Лонгвуд был в первой машине с детьми и женой /миссис Дефорест ныне/. Во второй - рейнджер видел и подтвердить готов - отца, отчима и тестя Арта, трех стариков. Три старика пошли в укрытье для забавы. Арт медленно ехал сквозь звенящие травы. Утро было ясное, далеко облака заискрились. Из машины дети и комиксы появились. Арт-молчун, кто рассматривать вещь целый день и мог, и хотел, наблюдал за жуком, что по стеблю полз и улетел. Пол был на костылях, у Полин - астма и прочее. Они были юными пройдохами, но бегали не очень. "Хочу, - сказала мать калеке-Полу, - чтоб кто-то научил тебя играть и в мяч, и в поло". Арт-молчун взял мяч и подбросил что было духу. Тот застрял в проходящем мимо дереве-дубе. Степенный зеленый странник остановился. Дети ждали, но мяч не появился. "Я не лазал по деревьям в своем робком детстве," - подумал Арт, но полз - а куда же деться? Попеременно мелькали его локти и колени в мешанине голубизны и зелени. Арт Лонгвуд карабкался все выше и выше, Ответ листьев "да!" на вопрос ветра слышен. Что за тиары садов! Что за света поток! Как доступен эфир! А летать как легко! Его семья окружала дерево день и ночь. Полин заключила: "Па вскарабкался прочь." И не видел никто в небе толпы друзей - не врагов, что встречали героя с земли в снегах облаков. Миссис Лонгвуд озадачивалась все боле и боле. Он никак не спускался сюда, на волю. И заметила - вид у подножия дуба иной: Дети скучали. Пол был укушен пчелой. Глядя вверх, стояли отцы. И каждый старикан держал в руках пять карт и бумажный стакан. Машины на трассе тормозили, а затем исчезали в ущелье совсем. А дерево внезапно оказалось шумом объято: монахи, рыбаки, веснушчатые ребята. Кем-то были помянуты анаконды и пумы. Пуще продолжали прибывать все виды живущих: три хирурга, детективы, бригада пожарных, у дансинга неотложки парковались попарно. Пьяный мерзавец с веревкой и ружьем прибыл убедиться в торжестве справедливости живьем. Исследователи, дендрологи - все были тут сами; и странная девушка с цыганскими волосами. И от мыса Страха до мыса Лести информация есть в каждой газете: "В дереве человек исчез". А породненный с небом дуб /где расселись совы и луна роняла золото/ был срублен и обыскан образцово. Нашли червей, желудь - краснощекий причем - и старинное гнездо с новоположенным мячом. Они покрыли лаком пень, поставили ограду и знаки. В розах и виноградниках угнездились клоаки. Отретушированная миссис Лонгвуд, по смерти детей, уместно стала фотографом мечтательной невестой. И теперь Дефоресты, с ч е т ы р ь м я стариками, истоиво посещают ущелье как регулярные туристы, жуят свои ланчи, глядят долу и в гору, моют руки и возвращаются в город.

ПЕРЕВОДЧИКИ :

1. И. Анненский
2. К. Бальмонт
3. Я. Берлин
4. Ал. Блок
5. Британишский В.
6. В. Брюсов
7. И. Бунин
8. М. Ваксмахер
9. А. Вознесенский
10. Н. Гербель
11. Н. Гнедич
12. А. Големба
13. И. Гриневская
14. М. Зенкевич
15. А. Ибрагимов
16. В. Иванов
17. И. Кашкин
18. С. Кирюта +++ +++ +++
19. И. Козлов
20. Б. Колесников
21. И. Копостинская
22. А. Лаврин
23. В. Левик
24. М. Лермонтов
25. М. Лозинский
26. В. Маркова
27. К. Мартес
28. С. Маршак
29. В. Микушевич
30. М. Михайлов
31. Ю. Мориц
32. О. Овчаренко
33. И. Озеров
34. А. Парин
35. Б. Пастернак
36. В. Потапова
37. В. Рогов
38. О. Румер
39. А. Сергеев
40. А. Толстой
41. В. Топоров
42. И. Тургенев
43. Ф. Тотчев
44. А. Фет
45. А. Финкель
46. М. Чайковский
47. А. Штейнберг
48. Э. Шустер
49. Шепкина-Куперник
50. А. Эппель
51. Д. Михаловский

Приложение:
РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ
/ 1978 - 1983 /
ПЕРЕВОДЫ С ДРУГИХ ЯЗЫКОВ
шестьдесят шесть стихотворений

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Часть Первая. РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

I. Эдмунд СПЕНСЕР:	Сонет 30.	201
II. Уильям ШЕКСПИР:	Сонеты 7, 13.	201
	Сонеты 15, 21, 22.	202
	Сонеты 27, 32, 36.	203
	Сонеты 55, 68, 73.	204
	Сонеты 77, 78, 91.	205
	Сонеты 138, 142, 146.	206
III. Бен ДЖОНСОН:	Vivamus	207
IV. Джон МИЛЬТОН:	O, Соловей!	207
V. Уильям БЛЕЙК:	Лондон /ранний перевод/.	207
VI. Сэмюэл Тейлор КОЛРИДЖ:	Фрагмент.	208
VII. Джордж Гордон БАЙРОН:	Строки /ранний перевод/.	208
	Стансы; "Все суета сует..."	208
	"Сидели мы, плача..."	209
	"И дух передо мной..." /ранний пер./.	209
VIII. Оскар УАЙЛД:	Сонет к свободе.	210
	Theoretikos	210
	Silentium amoris	210
	В лесу; Моей жене.	211
IX. Редьярд КИПЛИНГ:	Мольба.	211
X. Джон ЛЕННОН:	Дурак на холме.	212
XI. Тим РАИС:	Гефсимания.	212

Часть Вторая. ПЕРЕВОДЫ С ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Два стихотворения с французского

XII. Михаил ЛЕРМОНТОВ:	"Я жду ее на сумрачной долине".....	215
	"Когда я вижу на твоих устах".....	215

Четыре стихотворения с украинского

XIII. Александр ОЛЕСЬ:	"С тоскою радость обнялась".....	216
	"Из зеленого луга на скалы".....	216
	"Порваны струны на арфе...".....	216
XIV. Иван ДРАЧ:	"Ложатся звезды навзничь, как и мы".....	216

Двадцать пять стихотворений с польского

XV. Адам МИЦКЕВИЧ:	Афоризмы; К М ⁺⁺⁺	217
	Беседа; Сонет к Одиночеству.	218
	Из "Крымских сонетов": Штиль.	218
	Буря; Алушта днем.	219
	Алушта ночью.	219
	Чатырдаг; Аюдаг.	220
XVI. Циприан Камил НОРВИД:	Моя песня.	221
	С греческого; В Вероне.	221
	Лява; Пани М.; Мой псалм.	222
	Белый мрамор.	223
	Зрелый лавр; Печально.	223
	Памяти Бема - траурная рапсодия.	224
XVII. Чеслав МИЛОШ:	Вера; Надежда; Любовь.	225
	Так мало.	225
XVIII. Чеслав НЕМЕН:	Эпитафия.	226

Часть Первая. РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

I. Эдмунд С П Е Н С Е Р

/ 1552 - 1599 /

I. Сонет 30

Как лед - любимая, как пламя - я.
Но почему великий холод сей
Не растопляет даже страсть моя,
И делается холод лишь сильней?

Иль почему не остывает жар
Моей души в тени Её прохлад,
И пот кипящий переходит в пар,
И пламя больше, чем лишь час назад?

Что удивительней могу я рассказать,
Чем об огне, что холод твой хранит,
Или о том, как безучастный хлад
Мне тело жжет и душу пламенит?

Да, такова Любви чудесной власть:
Пред нею ниц должна Природа пасть.

II. У и л ь я м Ш Е К С П И Р

2. Сонет 7

Глаза лаская, благодатный свет
Главу свою подъемлет на восходе.
И каждый день ему миллионы лет
Слышна хвала от всей живой природы
К полудню солнце круто в высоту
Спешит подобно молодости зрелой,
И, провожая света красоту,
Глаза людей следят за ней несмело.
Когда ж светило завершает день
И с высшей точки катит колесница,
На путь иной глядят глаза людей,
И каждый взгляд от солнца отвратится.

Так ты, пройдя свой полдень и рассвет,
Умрешь бесславно, если сына нет.

3. Сонет 13

Ть, что ты был собой, - не ложь, но все же
Не вечно ты останешься таким;
И, жизнь свою готовясь подытожить,
Ты должен передать красу другим.
Та красота, что нам дана в аренду,
Должна воплощена быть в том, другом,
Кто жизнь ее продолжит в мире тленном,
Чтоб стал ты вечным, возрождаясь в нем.
Да как же будет красота такая,
Такой прекрасный дом ветшать и гнить?
Так пусть его потомки защищают,
Чтоб бури не смогли его свалить.

Ты знал отца. Свое добро удвой:
Пусть так же скажет и сынишка твой.

4. Сонет 15

Когда я мыслю: все вокруг - росток,
Но совершенства жизнь - всего мгновенье
Спектакль сей мира - только лишь толчок,
А от небес зависит продолженье -
Я постигаю: превозносит рок
И давит всех нас - и людей, и листья;
Но истечет живительный сей сок,
Чтоб юности наряд совсем забылся, -
Тогда тебя я вижу пред собой:
Ты юн, но обсуждают Время с Тленом,
Как обменять твой день на мрак ночной
И как бы поскорей свершить замену.

Моя любовь, наперекор судьбе,
Дарует новой жизни свет тебе.

5. Сонет 21

Я не могу обманчивою трелью
В стихах саму Красу приукрашать,
Дарить ей небеса, как ожерелья
И всем одно и то же повторять:
Уподоблять диковинным алмазам,
Подаркам океана и земли,
Цветам весны, луне и солнцу сразу -
Всему, что уж не раз воспеть смогли.
В любви ль, в стихах - неправды я не знаю.
Как женщины земной дитя - лишь так
Мила любовь моя, и не блистает
Огнями золотыми в небесах.

Где много слов, там могут и солгать.
Я не хвалю любовь, чтобы продать.

6. Сонет 22

Меня не убедят, что я старик,
Пока со мной ты юность свою делишь;
Когда ж морщины твой исчертят лик -
Я буду знать, что скоро стану тенью.
Сравню красу с одеждою твоей,
С покровами души, что сердце греют:
В твоей груди моя душа, а в ней -
Твоя душа; и я ль тебя старее?
Так осторожней будь: не для себя,
Но для меня - беречь я буду тоже
То сердце в сердце, что храню, любя,
На нежную кормилицу похожий.
Но если мне придется умереть -
То и к тебе подступит тоже смерть.

7. Сонет 27

Измученный, я тороплюсь заснуть,
 Дать от дневных скитаний отдых телу;
 Но тут же в мыслях отправляюсь в путь,
 И голове мой мозг находит дело:

Я пребываю в мыслях далеко,
 Как пилигрим, опять к тебе влекомый;
 Ресницам опуститься нелегко,
 А тьма вокруг открыта и слепому.

Воображением опять ишу тебя,
 Душой вижу образ твой - не взглядом;
 Лик старой ночи стал прекрасен, как дитя:
 Ты светишь в ней сверкающим алмазом.

Так тело днем, а ночью мозг в пути,
 И мне никак покоя не найти.

8. Сонет 32

Уж если ты переживешь тот день,
 Когда судьба мой прах смешает с пылью,
 И будет прочитать тебе не лень
 Те строки, что написаны мной были,

Ты их сравни с поэзией живых,
 В которой мастерство так и блистает,
 И сохрани их ради той любви,
 Что в них жила, искусство оттесняя.

Ко мне одной лишь мыслью снизойди:
 "Когда б росла та муза с веком вместе,
 Она смогла бы песни принести
 Гораздо совершенней новых пещен;

Он умер, а творцы другие тут, -
 И в нем - любовь, в них - мастерство я чту".

9. Сонет 36

Я признаюсь, нас двое быть должно,
 Хотя любовь вообще неразделима:
 Позор, что перенести мне суждено,
 Перенести хочу теперь один я.

Любви-то две, да честь одна у нас;
 Однако делима злоба света,
 Который похищает счастья час,
 Но вряд ли уничтожит чувство это.

Чтоб от тебя позор свой отвести,
 Тебя я должен ныне сторониться,
 И ты теперь, чтоб честь свою спасти,
 Не смеешь мне на людях поклониться.

Не делай так! Я так люблю тебя,
 Что всё мое - и ты, и честь твоя.

10. Сонет 55

Нет, мрамору могил не пережить
 Той власти, что имеют эти строки;
 И будешь ярче ты в стихах светить,
 Чем под плитой могильною глубоко.

Пусть статуи война низвергнет, пусть
 Труд зодчих разрушает бунт кровавый;
 Ни Марса меч, ни смуты не сотрут
 Стихи, в которых ты живешь по праву.

И не страшась ни распрей, ни смертей,
 Пойдешь вперед, и все твои потомки
 Тебя увидят вновь в глазах людей.
 Переживешь ты вечности обломки,

И, в Судный День восстав, увидишь ты:
 В глазах людей живут твои черты.

II. Сонет 68

В твоём лице - дней прошлых красота,
 Та, что цвела, цветам весны подобна.
 Ей не нужны заёмные цвета,
 С которыми жить просто и удобно.

Тех дней, когда на головах чужих
 Вторую жизнь не жили косы мертвых,
 С останками владетельниц своих
 Хранимые доскою гроба стертой;

Без украшений, честную, твою -
 Времен ушедших вижу в тебе прелесть,
 И новь ее не грабит старину,
 Как лето, не берет в аренду зелень;

Пример Природы дан в тебе для нас -
 Какой должна быть правда без прикрас.

12. Сонет 73

Я той порой перед тобой предстану,
 Когда желтеют листья на ветвях,
 Подобных хорам в разоренном храме,
 Где пели птицы, будто в небесах.

Во мне увидишь сумеречный вечер,
 Когда свет солнца стал уже тускнеть,
 И вскоре поглотит его навечно
 Ночь черная, двойник чей мрачный - Смерть.

Во мне увидишь ты огонь над пеплом -
 Давно забытой юности финал:
 Едва он виден над унылым склепом,
 Где юный пыл навеки угасал.

Постигнув всё, ты любишь горячей:
 Любовь сильней, когда уж смерть видней.

13. Сонет 77

Пусть в зеркале - увядшие красы,
 Пусть на часах - ушедшие мгновенья,
 Но строчками заполнятся листы -
 И не грозит нам темное забвенья.

Морщины зеркало покажет нам,
 И разуму посылит это бремя;
 Украдкой следим мы по часам,
 Как к Вечности стремится наше время.

Что не удержим в памяти своей -
 То лучше передать страницам белым:
 Когда-то их, как найденных детей,
 Мы снова встретим с ласкою несмелой.

И это благо, право же, не раз
 Еще поддержит и украсит нас.

14. Сонет 78

- Тебя как музу звал так часто я,
 И мне твоя краса так помогает,
 Что и чужие перья, переняв
 Мой стиль, тебя в стихах так называют.

Твои глаза немного учат петь,
 Удвоят благородство Вдохновенью,
 Заставят и Ничтожество взлететь,
 Учёности умножат оперенье.

Но лишь мой стих тебе пусть будет мил:
 Рожден тобой, он твой - ты это знаешь.
 Другим ты украшаешь только стиль
 И мастерство чужое повышаешь.

Мое искусство - это ты: ты можешь
 Возвысить мою грубую ничтожность.

15. Сонет 91

Происхождением гордятся и умом,
 Богатством, силой, красотой и прочим:
 Одеждой - новомодным барахлом,
 Конем и соколом, и сворой гончих.

И в радостях - пусть даже они дым
 Находят люди счастье, тихо млея;
 Но все это - ничто, и лишь одним
 Из лучших лучшим счастьем я владею.

Твоя любовь дороже для меня
 Богатства, родословной и наряда;
 С тобой я всех счастливей, а коня
 И сокола, и гончих - мне не надо.

Боюсь, ты можешь все это отнять,
 И стану я несчастней всех опять.

16. Сонет 138

Любимая клянется, что не лжет, -
 Я верю ей, в обратном убежденный;
 Она считает, что ей все сойдет,
 Что я неопытный юнец зеленый.

И этой лестной мыслью обуян,
 Хоть лучшие года давно уплыли,
 Я верю простодушно в тот обман,
 Что юн я - и о правде мы забыли.

Она мне не признается во лжи,
 И я свой возраст потихоньку скрою:
 Во мнимой вере атрибут любви,
 А старость хочет выглядеть молодою.

Мы льстим своим порокам, и вполне
 Приятна эта ложь тебе и мне.

17. Сонет 142

Любовь - мой грех, твои же обвиненья -
 Лишь ненависть к моей любви земной.
 Сравнив же честно наши преступленья,
 Поймешь ты, что мой грех - не то, что твой.

Меня ль судить твоим устам? - я знаю,
 Что ложью их краса осквернена;
 Так и мои грешили, похищая
 Добро чужого ложа для меня.

Как я тебе - другим ты даришь нежность,
 Греха не меньше и в твоей судьбе.
 Будь милосердна: этим неизбежно
 Заслужишь снисхожденье и к себе.

Но если сердце жалости не знает -
 Отвергнута ты будешь, отвергая.

18. Сонет 146

Зачем, мятежным силам покорясь,
 Душа моя, ядро греховной плоти,
 Ты от себя навеки отреклась -
 И украшаешь только оболочку?

И почему так велика цена
 За эту краткосрочную аренду?
 Затем, чтобы отдав свой труд сполна,
 Кормить червей его наследством бранным?

Живи, душа, за счет того, что в н е:
 Как стены, как слуга - оно не знает
 Того, что вечно будет на земле.
 Расти, в себе богатства накапливая.

Так Смерть убьешь, чья пища - человек:
 И Смерть умрет, а ты пребудешь ввек.

Ш. Б е н Д Ж О Н С О Н

/1572 - 1637/

19. Vivamus

О Селия, испробовать приди,
 Пока мы можем, - радости любви.
 Ведь время не всегда союзник нам:
 Давай его разделим пополам,
 Тогда, когда дары его
 На ошупь уж не значат ничего,
 Ведь если мы утратим некий свет -
 То станет дальше "да" и ближе "нет".
 Так что ж нам мешкать с играми любви?
 Молва и слухи - это пустяки.
 Иль ты не знаешь, как найти нам путь,
 Чтоб соглядатаев коварных обмануть?
 Украсть нам плод любви не страшно, даже
 Когда желают уличить нас в краже.
 Подглядывать за этой кражей всласть -
 Побольше грех, чем этот плод украсть.

1У. Д ж о н М И Л Ь Т О Н

/1608 - 1674/

20. О, Соловей!

Ты песню, Соловей, на ветке начинай
 Под вечер, когда лес листом не шелохнется:
 Разбужена мечтой, душа моя проснется
 И в добрый час опять придет веселый май.
 Прозрачной песней той дню очи закрывай;
 Кукушка мне вещает: счастье улыбнется,
 И волею небес с пророчеством сольется
 Твой гимн моей любви, открыв ворота в рай.
 Когда еще вам петь? - еще успеет мне
 Сова в ночной тиши предречь коварство Рока!
 Но чтоб я счастлив был в расцвете юных дней,
 Будь утешеньем мне, пока беда далёко:
 Кукушка или ты, а лучше вместе с ней -
 Дуэтом пойте мне, без отдыха и срока!

У. У и л ь я м Б Л Е И К

/1757 - 1827/

21. Лондон

Брожу по улицам у Темзы,
 Где в о л ь н ы й Плеск ее воды,
 На лицах видя повседневно
 Печать порока иль беды.
 Слышна мольба ли сиротливо,
 Дитя ли плачет - слышу звон
 Оков на разуме фальшивых,
 Запретов, названных: З а к о н .
 Как ужас крики трубочиста
 Приносят в Храм - так вздох бойца
 Забытого - как кровь, струится
 По стенам мрачного Дворца.
 Я слышу ругань этой ночью:
 То шлюха юная взхлёт
 Младенцу слезы ли пророчит,
 Супружеству ли смерть несет.

У1. Сэмюэл Тейлор КОЛРИДЖ
/ 1771 - 1834 /

22. Фрагмент

Звитый стеями плюща -
Лишь листьями одет!
Ты - как упавший плод, Дитя,
В ночи, где лунный свет.
Там светел месяц, воздух чист,
Благоухает сад,
И свой оттенок каждый лист
Привносит в тот наряд,
Который тенью сотворен:
Как редкая картина он.
В том месте люди, говорят,
Ночь, а не день боготворят.
Зачем же там, где никого,
Где ночь и лунный свет,
Остался он - Дитя мое?
Ужели друга у него
Иль нежной мамы нет?

УП. Джордж Гордон Ноэл
лорд БАЙРОН
/ 1788 - 1824 /

23. Строки, написанные в альбом
на Мальте

Как на холодном мраморе гробницы
Чужое имя привлекает взгляд -
Так эта одинокая странца
Твоим глазам напомнит пусть меня.
Пусть годы пролетят за нашей встречей -
Откроешь ту страну, и она
Мой образ воскресит, пусть и умерший:
Ведь в ней моя душа погребена.

24. Стансы

Тот, кто дома не может бороться за волю,
Для соседей сражается пусть за нее,
Вдохновляется славой античных героев,
Получая удары за дело свое.
Делать людям добро - это рыцарский подвиг:
Если мысли твои благородны, чисты,
И тебя не настигнут в борьбе за свободу
Ни клинок, ни свинец - станешь рыцарем ты.

25. "Всё суета сует, сказал Екклесиаст"

Любовь и Мудрость, Власть и Слава -
Всё было, всем я владел;
От многих вин краснел, бывало,
Мой кубок; всем свой взор ласкал
И сердце веселил красою -
И делалось оно нежней;
Всё, что рождается землею,
Я царской властью брал своей.

И вот, исчислив, сколько дней,
 Из тех, что в памяти остались,
 Я мог бы снова в жизни сей
 Прожить, когда бы их мне дали, -
 Ни часа не нашел, ни дня
 Неомраченных наслаждений:
 Не воскресило бы меня
 Величье царских украшений.
 Змею полей Искусство может,
 Подобно Силе, побеждать;
 Но ту змию, что сердце гложет,
 Кто власть имеет заклинать?
 Не сбросит Мудрость той обузы,
 Напрсно будет Муза петь -
 И целый век змии укусы
 Моя душа должна терпеть.

26. "Сидели мы, плача, у рек Вавилона"

Сидели мы, плача, у рек Вавилона,
 С тоской вспоминая Иерусалим.
 Враг сделал добычей его беззаконной -
 Пал в страшном сраженье священный Салим.
 О Ты, чьи мы дети! покинуто лоно,
 Рассеяны мы и безмерно скорбим.
 Пока созерцали мы в этой печали
 Паденье свободы, движение вспять -
 Враги стали требовать песен, - не знали,
 Что этой победы им не одержать:
 Преступные руки тотчас отсыхали,
 Лишь арфы коснувшись, чтоб им заиграть.
 На древо повешена арфа: разлуки
 У вольности с песнею быть не должно -
 Такой, когда предан Салим был на муки,
 Услышан был нами завет от него.
 Вовек не сольются те чистые звуки
 С тобою, о голос врага моего!

27. "И дух передо мной прошел"

Иов

И дух передо мной прошел: во всем величье
 Предвечного узрел я в истинном обличье.
 Глубокий сон окутал всех, и пред очами
 Предстал Он, весь бесплотен, но державен.
 Плоть дрогнула моя, и я лишился силы,
 И дыбом поднялись власы, и возгласил Он:
 "Сей человек ли выше Бога? чище Бога,
 Того, Кто и на серафимов смотрит строго?
 Творенья суетные праха, дети пыли!
 И мотылек переживет вас... выше - вы ли?
 Творенья дня, вы чахнете еще до ночи,
 Бездумно, слепо расточая свет Пророчеств"!

УШ. О с к а р У А И Л Д

/ 1856 - 1900 /

28. Сонет к свободе

Не тех сынов люблю, чьи тусклые глаза
Во мраке знания видят только жребий свой.
Таков же Демократий и Анархий вой,
И такова ж Террора шумная гроза.

Я в них весь хаос чувств сумею показать.
Свобода! за тебя мне близок дерзкий бой,
Мой гнев, как море в бурю, родственен с тобой,
И только потому терплю я сей базар.

Ты осторожностью мне душу не кори:
Я неподвижен и тогда, когда цари
Кровавого к н у т а забрать стремятся властью

У наций те права, что даровала ты:
На баррикадах умерщвляются Христы,
Но - видит Бог - я с ними лишь отчасти.

29. Theoretikos

Могучий бог на глиняных коленях!
Иль стало благородство иссякать?
Мой остров, тебя стали забывать,
Украден твой венец... о, унижение!

И вот я говорю: Свободы гений,
Душа моя! ты ль можешь торговать?
На мерзком рынке можешь продавать
Ты день за днем Талант и Уважение?

Вот то, что вижу: толпы, крики, стоны,
Невежество, безумье низких лбов,
Поправших ценности былых веков.

Над схваткой - я, от мира отчужденный,
И в грезах Музы, в Мысли утонченной
Я против Бога и Его врагов.

30. Silentium Amoris

Как солнце свет свой снова дарит дню,
А бледная луна полулениво
Спешит в пещеру темную свою,
Осилив прежде трели соловья, -
Так и краса твоя сильнее меня,
И песня рвется с губ - но без мотива.

Как быстрый ветер через ровный луг
Проносит краску утра голубую,
И как лобзанье разрушает вдруг
Свирелью возведенную стену -
Так страсть рождает пред тобой вину,
Избыток чувства - лишь любовь немую.

Но выдали тебе мои глаза
Причину немоты и губ и лютни.
Теперь, когда мы врозь, могу сказать,
Что я лелею в памяти пробел -
Те песни, что тебе так и не спел
В своей любви и чистой, и распутной.

31. В лесу

Явись на свет поляны сразу,
А не туда, где мрак лесной,
Мой козлоногий, кареглазый,
Мелькни, о Фавн мой!

Как он резвится, песнь слагая!
Мелькает тень его вокруг.
Куда идти мне - я не знаю:
На тень или на звук?

Охотник - тенью, Соловей мой -
Напевами плени меня,
Иль, обезумевший от пенья,
Его ишу я зря!

32. Моей жене

/с экземпляром книги стихов/

Песнями моими, верно,
Положенья не достичь.
В них о самом сокровенном
Я рискую говорить.

Если из цветка, что ныне
Пал, предчувствуя мороз,
Сделаешь ты в холод зимний
Украшенья для волос -

Будет радостной награда
Тем, кто вынес гнет зимы:
Ты услышишь шепот сада
И поймешь стихи мои.

IX. Джозеф Редьярд
К И П Л И Н Г

/ 1865 - 1936 /

33. Мольба

Как я давал тебе все то,
Что некогда имел,
Дай этой ночью мне покой -
И станет ночь твоей.

Мой разум теплится едва.
Загадок для него
Ты не ищи в чужих томах,
Заброшенных давно.

Х. Д ж о н Л Е Н Н О Н
/ 1941 - 1980 /

34. Дурак на холме

Так каждый день: один в вышине,
некто с усмешкой глупой недвижно стоит на холме.

Никто его здесь не знает,
говорят, будто он дурак: никогда не отвечает.

Но дурак на холме видит солнца закат,
и глаза его там за мирами следят...

Так и стоит он в облаках,
в себе заключает, сам не зная, он голоса,

но их не услышат люди -
не заботится он о том, и за это не осудит...

Но дурак на холме видит солнца восход,
видит, как мир идет все вперед и вперед.

Обходят его искусно,
не вдаваясь в его судьбу. Он свои скрывает чувства,

но дурак на холме видит солнца закат,
и глаза его там за мирами следят.

Он слушать людей не будет:
глупцы - они, не он. И пусть его не любят.

но дурак на холме видит солнца восход,
видит, как мир идет все вперед и вперед.

XI. Т и м Р А Й С

35. Гефсимания

Я лишь хочу сказать -

Ты должен это знать:
пусть минует чаша эта,
если можно не вкушать мне
чаши с ядом! - Я не тот уж,
каким я был
в начале самом.

Я не тем уж стал -
печален и устал...

Сколько сделал за три года
я - как будто бы за тридцать.
Мог Ты требовать того же
от других когда-нибудь?

Если
умру -

Ты ли довершишь, что поручил мне Сам тогда?
Пусть же ненавидят, пусть распнут меня, пусть бьют!
Хотел бы знать

я ныне, Боже мой,
хочу понять,
зачем я, Боже мой,
должен уйти?

Даст ли эта смерть мне больше, чем вся жизнь моя?
Больше ль станет значить все то, что сделал я?

Я должен знать, я должен знать, Господь,
я должен знать и все понять, Господь -
что наградой будет мне за смерть?
Хочу понять, зачем же я, Господь,
должен уйти?

Можешь доказать, что не напрасна смерть моя?
Где Твой вечный разум, чтобы понять я Тебя?
Укажи причину, почему Ты мыслишь так?
Знаешь Сам - зачем, или знаешь только - где и как?
Что ж, я умру!
Жди - я умру!

Я не тем уж стал -
печален и устал.
Сколько сделал за три года -
как за тридцать... что ж не смог я
все закончить, что я начал...
Что Ты начал - не я начал...

Что ж, да будет так!
Ведь все в Твоих руках!
И я выпью чашу с ядом... что ж,
распни и уничтожь,
и бей, и убивай меня
сейчас -
пока еще я Твой!

И должен знать, и должен знать, Господь,
и должен знать и все понятия, Господь -
кто найдет будет мне за смерть?
Хочу понять, зачем же я, Господь,
должен уми?

Может быть, что не найдешь смерти мой?
Ты мой великий друг, мой покой и радость,
Ужасно понимаю, почему ты умираешь так?
Знаешь сам - зачем, мне знать только - где и как?
Что ж, я умру!
Жизнь - я умру!

И не тем уж стал -
предан и устал.
Скорее сделаю за твою любовь -
как за преданье... что ж не смолчу
все закончилось, что в сердце...
Что ты знаешь - не я знаешь...

Что ж, да будет так!
Верь все в твоих руках!
И я выйду из сном... что ж,
расширю и умиротворю,
и верю, и умиротворю
сердце -
пока еще я твой!

Часть Вторая. ПЕРЕВОДЫ С ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Два стихотворения

французского

ХП. М и х а и л Л Е Р М О Н Т О В
/ 1814 - 1841 /

36. Я жду ее на сумрачной долине

Я жду ее на сумрачной долине.
Деревья что-то шепчут, а меж ними -
Вдруг тень ее... Страдающий от ран,
Мне нанесенных сладостной надеждой,
Я понимаю, что обманут, как и прежде:
То ива свой склоняет стройный стан.

Я наклоняюсь, слушая дыханье
Июльской ночи, ночи ожиданья -
И слышится с дороги тихий звук,
Производимый легкими шагами...
Но нет - то ветер шелестит листьями,
Играя ими ласково во рву.

Ничком в траву ложусь, тоскою полн,
И забываюсь я печальным сном,
Но просыпаюсь с радостною дрожью:
На ухо ее голос мне шептал,
И лоб мой поцелуи ощущал...
Благословенно ожиданье мое, Боже!

37. Когда я вижу на твоих устах

Когда я вижу на твоих устах
Улыбку счастья - сердце расцветает,
Благоговейный исчезает страх:
Улыбка откровенность порождает.
Вся жизнь за миг проходит предо мной -
Я проклинаю, и молю, и тайно плачу.
Звезда в пустыне - взгляд твой огневой,
Освещена вся жизнь моя тобой,
А без тебя весь мир так мало значит!

Мне без тебя - как без звезды в пути.
Без взгляда твоего мне грустно.
И прошлое без боли и любви,
Как небо без божеств, темно и пусто.
И - странная причуда: я ловлю
Себя на том, что день благословляю,
Когда я понял, что тебя люблю.
Благословляю муку я свою
И ту, из-за кого я так страдаю!

Четыре стихотворения
с
украинского

XIII. Александр ОЛЕСЬ
/ 1878 - 1944 /

38. С тоскою радость обнялась

С тоскою радость обнялась.
В слезах, как в жемчугах, мой смех.
И с дивным утром ночь слилась,
И как же разлучить их мне?

В объятьях с радостью тоска.
Видать, они судьба моя,
И их борьба так нелегка,
И кто сильнее - не знаю я...

39. Из зеленого луга...

Из зеленого луга на скалы, в пески
Не берите вы иву - пустыне
Она может завянуть от горькой тоски
По местам, где растет она ныне.

Приживется ль на зелени луга сосна?
Нет, она затоскует в долине
И засохнет - в воде! - там от жажды она
И от слез по далекой вершине.

40. Порваны струны на арфе

Порваны струны на арфе, и арфа рыдает, немая,
У других вызывает слезы и плачет, тоскует сама.
Смеюсь я, шучу и пою - не жалуясь я на судьбу.
И бью я по сорванным струнам на сердце моем.

XIV. Иван ДРАЧ

род. 1936

41. Ложатся звезды навзничь...

Ложатся звезды навзничь, как и мы,
и всю-то ночь лежат и глаз с людей не сводят,
как будто хочется им стать людьми,
но что-то там у них на небе не выходит.
А звезды не хотят ложиться ниц,
ведь мы для них вверху и прорастаем снами,
и сколько этих ясных звездочек-зениц
мерцает здесь внизу, и все зовутся нами.
Как звезды мы лежим. Друг друга любим тут,
о сколько пар лежит под небом и под стогом!
И по траве роса скользит, как будто ртуть,
и по-осеннему термометр дрогнет скоро.
Лежим на сене раннем мы, а там -
огонь костра уже не можем увидеть мы.
И звездно на земле: подобно небесам,
сияет мне твое коротенькое платье.
И дети рядом спят - и доченька, и сын
ничком в траву никто нарочно не ложится.
Ведь нынче звездный час, и звездный миг один,
и россыпь дивных звезд над рощею струится.

Двадцать пять стихотворений

С
П О Л ь с к о г о

ХУ. А д а м М и ц к е в и ч

/ 1798 - 1855 /

42. Афоризмы

- ОТКУДА ЗЛО? - Бог есть добро. А все, что на Бога возводят -
И смерти, и зло - от людей лишь исходит.
- ЗАБЫТОЕ. - Есть на земле этой Нечто, достойное думы и речи.
Люди о всяком мечтают, забыв это Нечто.
- СОГЛАСИЕ. - Хороший певец любит петь лишь в том хоре,
Где голос свой слышит он в общей гармонии.
- КРЕСТ НА ГОЛГОФЕ. - Крест на Голгофе того не спасет,
Кто в сердце своем креста не несет.

43. К М⁺⁺⁺

Прочь с моих глаз! - я послушаюсь сразу.
Прочь из души! - и душа равнодушна.
Памяти только такого приказа
Ты не давай - его память нарушит.
Тень тем чернее и сумрачней будет,
Чем она дальше свой круг расширяет;
Так и мой образ - чем дальше отходит,
Тем больше память твою омрачает.

И в каждом месте, в любую минуту,
Где с тобой плакал и где веселился,-
Буду я рядом всегда и повсюду,
Ибо оставил там сердца крупичу.
Если в раздумье своем сиротливом
К арфе невольно рукой прикоснешься -
Вспомнишь, что некогда час был счастливый,
Старая пенья на струнах проснетя.

Взглядом танцующих в зале окинув,
Ты, отдыхая от танца на бале,
Место пустое узрев у камина,
Сразу подумаешь: м ы там стояли!
Книгу возьмешь, где разбиты судьбой
Пары влюбленной благие надежды -
Скажешь ты, книгу закрыв, что такое
Было и с н а м и в любви нашей прежней.

Если же авторы книги удачно
Пару сердец все же соединили -
Свечи погасишь, подумаешь, плача,
Ах, если б м ы так же счастливы были!
Ночью тебя испугает зарница,
Шелестом груша в саду потревожит,
В окна со стоном сова застучится, -
Скажешь ты: это душа его, Боже!

Так в каждом месте, в любую минуту,
Где с тобой плакал и где веселился,-
Буду я рядом всегда и повсюду,
Ибо оставил там сердца крупичу.

Зачем нам беседа, родная моя?
 Я, чувство с тобою свое разделяя
 И душу свою в твою душу вливая,
 Зачем ее должен дробить на слова,
 Которые выветрятся и остынут,
 Пока твоих слуха и сердца достигнут?

Люблю, о, люблю! - тебе сто раз кричу я,
 А ты все печальна и сердишься даже,
 Что всех своих чувств не могу, как хочу я,
 Воспеть или выразить, чтобы уважить.
 И, как в летаргии, не станет мне силы,
 Чтоб знак подав жизни уйти от могилы.

Уста от напрасного дела устали
 И жаждут слиянья с твоими... хочу я,
 Чтоб вместо двоих нас беседовать стали
 Биение сердца и поцелуи.
 Такая беседа пусть длится хоть год,
 И д о конца света, и п о с л е него!

45. Сонет к Одиночеству

О одиночество! к тебе от жизни зноя
 Я припадаю, как к воде беглец усталый,
 И наслажденье ощущаю неземное,
 Зарывшись в ясные и чистые кристаллы.

Я в мысли погружаюсь и лечу над ними,
 Играю с мыслями, как будто бы с волнами;
 Измученный, больной, я забываюсь снами,
 Оставлен хоть на миг заботами своими.

Да, ты моя среда! зачем же воды эти
 Мне сердце студят, как стекло, мозг омрачают?
 Зачем я снова должен вырываться к свету,

Подобно рыбе-птице в воздух вылетая?
 Мне нет тепла внизу, вверху я тоже странник.
 В обеих этих средах я изгнанник.

Из "Крымских сонетов"

46. Штиль

Флажки едва заметный ветер чуть колышет,
 И светлая вода чуть персями играет:
 Так в грезах о любви невеста молодая
 Проснется, чтоб вздохнуть, и снова мерно дышит.

Поникли паруса, как флаги после боя,
 На голых мачтах спят. Корабль же над волнами
 Колышется едва, как скованный цепями...
 И вышли путники веселою гурьбою.

О море! под твоим веселым колыханьем
 Живет полип: он спит, когда на небе хмурь,
 И пробуждается, когда светла лазурь.

О мысль! в твоей глубине - змея воспоминаний,
 Что спит среди злых судеб и страшных бурь,
 Но бодрствует в тиши, чтоб душу мне тиранить.

47. Буря

Сорван уж парус, руль ветер срывает,
Крики слышны, стонут злобно насосы,
Вырваны снасти из рук у матросов,
Надежда и солнце в крови умирают.

Вихрь, торжествуя, огромные горы
Вспененных волн этажами возводит,
И на корабль Гений Смерти приходит
Воином грозным, штурмующим город.

Тот - полумертвый лежит без движенья,
С другом обнявшись, другой ждет могилы,
Молится третий, чтоб смерть отогнать...

Только один не стремится к спасенью,
Мыслит он: счастлив, в ком нет уже силы,
Кто может молиться иль друга обнять!

48. Алушта днем

Уж перси гор открыл туман косматый,
Шумят намазом нив златые волоса.
Как чётки шаха - лес, и падает роса,
Как с чёток тех рубины и гранаты.

В цветах земля и воздух ароматный:
То бабочки летят, как радуга-коса,
Крылатый балдахин из перлов в небесах,
А дальше - саранчи базар крылатый.

Где лысую скалу штурмует море,
Отходит и опять стремится к ней,
Там тигра хищный глаз вещает горе,

Но дальше, за прибоем, средь зыбей -
Там легкая волна, и на просторе
Купаются там стаи лебедей.

49. Алушта ночью

Резвится ветерок, волна устала ухать,
На Чатырдаг упал светильник всех миров,
Рзбился, расплескал румянец облаков, -
Погас... А пилигрим, оглядываясь, слушал:

Уж цепи гор черны, в ночных долинах глухо,
Лишь шепот родника на ложе васильков,
Лишь слабый аромат - то музыка цветов,
Звучащая для сердца - не для слуха.

Засну ли я в тиши, укрытый темнотой,
Но будит вдруг меня блеск метеора близкий.
Объял весь мир ночной его поток златой...

О ночь! подобна ты восточной одалиске:
Чуть лаской усыпив, разрушишь сна покой,
Для новых страстных ласк блеснут в зеницах
искры!

50. Чатырдаг

К твоим стопам, дрожа, кладу поклон глубокий,
 О мачта Крыма, о великий Чатырдаг!
 О мира минарет, суровый падишах,
 Над скалами вознесшийся высоко!

Стоишь у врат небес, где звездные потоки,
 Как грозный Гавриил, страж рая в небесах,
 И темный лес - твой плащ, а янычар твой - страх,
 Что вышил на твоём тюрбане молний строки.

Нас солнце ли печет, нас мгла ли осенит,
 Летит ли саранча, гяур ли жжет селенья -
 А Чатырдаг всегда глухой, недвижимый спит

Меж небом и землей, свидетель Сотворенья,
 Поправ весь дольний мир своей огромной тенью, -
 И слышит лишь, что Бог природе говорит.

51. Аюдаг

Люблю взойти наверх, на Аюдага скалы,-
 Глядеть оттуда, как вал пенный бьется в грады,
 Как сразу вырастают снежные громады
 И рассыпаются на радугу устало.

Разбившийся о мель второй, как полк немалый,
 Вал заливаает берега, и мириады
 Тех воинов уходят прочь, триумфу рады,
 Оставив на песке и перлы и кораллы.

О юный бард! не так ли страсть всечасно
 В душе бушует грозовым ненастьем,
 Но лишь ты тронешь лиру - безучастно

Уходит прочь, чтоб стало тихо в поднебесье,
 Лишь оставляет нам бессмертье песен,
 И вьют из них века венок чудесный.

ХУІ. Ц и п р и а н К а м и л Н О Р В И Д
/ 1821 - 1883 /

52. Моя песня

Хочется в край мне, где корочку хлеба
Люди приемлют с улыбкой счастливой,
Словно дар Неба...
Как мне тоскливо!

Хочется в край мне, где гнезд разоренье
Делом считается несправедливым:
Божьи творенья... Как мне тоскливо!

Хочется в край мне, где суд неизменен,
Прост, как законы Христа, и красив он:
"Будь совершенен!"
Как мне тоскливо!

Как мне тоскливо! - слова иного
Я не скажу: ведь невинность - не диво,
Слезы - не новость...
Как мне тоскливо!

Хочется мне не-тоски, не-мышленья,
Общества тех, в чьих словах правды сила,
Без светотени...
Как мне тоскливо!

Как мне тоскливо! я стану ненужным,
Стану спокойным в тиши сиротливой -
Но не для дружбы...
Как мне тоскливо!

53. С греческого

Свою тайну ночи я доверил,
От нее узнал все ветер вольный,
Ветер волнам рассказал, а эти волны
На песке ту тайну начертали.
На песке танцующие девы
С грешною землей ее сровняли...

54. В Вероне

Над Капулетти, Монтеки домами,
Гроном избито, омыто дождями,
Око лазури не дремлет.
Видит заросшего сада куртины,
Видит враждебных поместий руины,
Слезы роняет на землю.

Молвят деревья, что то - по Джульетте
И по Ромео - слеза над планетой
Падает, склеп обтекая.
Люди ж твердят: "Утверждают ученья,
Это не слезы, а просто каменья -
Кто же их здесь ожидает?"

55. Лятва

В Лондоне, по скользкой мостовой,
В лунном свете иль в тумане плотном,
Многие проходят пред тобой,
Но запомнишь лишь ее - у подворотни.

В терниях или в грязи чело?
Ложь отсечь от правды невозможно:
То - молитвы на губах ее
Или же... пьяна она безбожно?

Библия, затоптанная в прах!
Не читает ее нынешнее племя.
Время - думать только о деньгах,
А о добродетели - не время.

Деньги и отчаянья слова -
Как бельмо на оба ее глаза.
- Ты откуда? - прячется в себя.
- Ты куда? - "Не знаю," - скажет сразу.

Человечество - Бедлам, где вижу вновь
Плач, издёвку, страх, и смех, и пени:
Как история, оно лишь знает - кровь,
И как общество, оно лишь знает - деньги.

56. Пани М, идущей покупать тарелку

Есть поколения, города, народы,
Отживший свой должный срок,
Не сотворив чудес природы:
От них остался лишь горшок.

И на горшок сей древний дама
Глядит в музей, и в стекле
Отражена она на славу,
А целый мир - под ней, в земле.

Народы, канувшие в Лету,
Похожи, право, на слугу,
Который подает тарелку
Вельможной пани для рагу.

57. Мой псалм

Марий различных /их всегда довольно!/,
И Магдален с роскошными власами,
И бойких Зофий, и Терез разумных -
И днем, и ночью я прошу неволью,
Чтоб и н т е р е с ы не плелись за нами!
Вот и н т е р е с молитв моих безумных.

Пусть наконец наш мир займет то место,
Присущее ему всегда логично -
Где нет каких-то глупых и н т е р е с о в ,
И где все поступают непрактично.

Об этом мир прошу, который носит
Лучистый гребень, плакать горько может,
И с Веронику от плача ввысь возносит
Меня на облачное ложе.

58. Белый мрамор

Греция, дивная Греция! - плеч твоих мрамор,
Сердце - спрошу я: а что же случилось с Гомером,
С тем, кто учил нас со звездами хором петь славу?
Где же могила? Ответь мне хоть шорохом мерным
Воли твоих синих, гекзамером бьющих о скалы,
Иль напиши белой пеной на бреге усталом.

О благодарная Греция! - Фидия тоже не стало?
Тот, кто учил красоту находить в брэнном теле,
Тот, кто к богам нас приблизил - не он ли раздавлен?
Он ли в темнице? А Милисиад - на войне ли?
А Фемистокл, Фукидид, да и Кимон - пропали?

Греция, Греция! А с Аристидом что стало?
Как награжден сладкогласый за ратное дело?
Ты Фокиону, в сраженьях венчанному славой,
Яд ли в подарок даешь?

А Сократу???

О, Дева
Голубоглазая! Ты, как руины, бесстрастна.
С профилем гордым Минервы, стройна, грациозна.
Встреча с тобой, словно с детством, нежна и прекрасна,
А расставанье - тоскливо и даже тревожно...
Я рву фиалки. В росе, как в жемчужинках, венчик.
Слезы росы - на прощанье. До будущей встречи!

59. Зрелый лавр

Дорог к Потомству никто не знает,
Только по битвам отыщешь ты их.
В храме грядущего мы выбираем
Жилища себе среди комнат чужих.

А комнат тех - много. Исход простой:
Мы входим в ту, что для нас открыта.
Не раз становилось потом "пятой",
Что ранее мы называли "крылья".

Времен хвастливый и зычный рык
Не гласом ли трубным считался всегда?
Но это - упавшие в урну шары:
Подсчет голосов проведет тишина.

60. Печально...

Печально - замкнуться, таить свои силы
И жить только пряжей мечтанья и чувства.
Печальней стократ на пороге могилы
Увидеть, что прошлое - грустно и пусто.

61. ПАМЯТИ БЕМА - ТРАУРНАЯ РАПСОДИЯ

*Lusitrandum patri datum
usque ad hanc diem ita
servavi. (Annibal) **

I.

Что же ты, Тень, отъезжаешь, руки скрестив на латах?
Факелы блещут и падают искры в колени.
Меч отражает и лавры, и свеч этих бденье,
Рвется твой сокол и конь твой танцует косматый.
Легкие стяги вздымаются, как бы от бури,
Словно палатки тех войск, что по небу кочуют.
Трубы вздохом причитают, склонились знамена -
Будто бы крылья опущены, срезаны главы
Пикой пронзенных чудовищ и страшных драконов...
О, как умел ты копьем добывать себе славу!

II.

Плакальщиц много: вот эти - с цветами подходят,
Слезы в ладони свои собирают другие...
Путь отыскать тебе тшатся какой-то иные,
Но уж проложен тот путь чрез столетья и годы.
Кто-то на землю большие кувшины бросает -
Звон разбиваемой глины печаль умножает.

III.

Парни в топррики бьют голубые от неба,
Слуги - в щиты, чтоб услышали город и веси.
Ветер большую хоругвь среди дыма колеблет,
Что упирается, словно копье, в поднебесье.

IV.

Входят в ущелье и тонут... выходят уже в свете лунном,
В небе чернеют - и блеск их холодный коснулся
Копий, горящих, как звезды - бессонно, бездумно...
Вот и хорал вдруг утих, а потом, как волна, встрепенулся.

V.

Далее - далее - так мы увидим, о Боже,
Яму, подобную пропасти тихой и черной,
Той, что никто никогда перепрыгнуть не может...
Сбросим коня туда пикой, как древнею шпорой.

VI.

И повлечем хоровод с похоронною песней,
Урнами в двери стуча и шумя непогодой, -
Стены пока Иерихона развалятся в щепы,
Сердце очнется - спадет пелена с глаз народа.
Далее - далее - далее...

* "Клятву, данную отцу, сохранил я по сей день" /Ганнибал/

ХУП. Ч е с л а в М И Л О Ш

род. 1911

62. Вера

Вера - это когда кто-то увидит
листок на воде или каплю росы,
и знает, что они существуют, ибо не вечны.
Пусть даже мы грезим, глаза закрыли -
на свете будет лишь то, что было,
а лист уносится все дальше течением реки.

Вера есть там, где кто-то камнем
ногу поранит, и знает, что камни -
лишь для того, чтобы ноги нам ранить.
Как дерево в траву ложится своей тенью,
так мы и так цветы бросаем тень на землю:
Не может жить лишь то, что не имеет тени.

63. Надежда

Надежда - там, где кто-то знает, верит:
не лгут нам зренья, слух и осязанье,
и явь, а не бессильная мечта - природа.
Все то, что видим мы и знаем,
есть некий сад, и мы стоим у входа.

Войти туда нельзя. Но сад - не греза:
кольбросишь взгляд пытливый, не надменный -
еще один цветок и звезды, звезды
увидишь там, в саду своей Вселенной.

Иные говорят, что глаз морочит нас,
что мира нет, что есть одни мечтанья, -
и думают, надежды не имея,
что лишь мы отвернемся - в тот же час
огромный мир быть сразу перестанет,
как бы похищенный рукой злодея.

64. Любовь

Любить - это значит взглянуть на себя,
как сами мы глядим на вещи,
ибо и сами мы - вещи, одни из многих.
А кто так глядит - не ведая даже -
от многих печалей спасает душу,
и птица и дерево зовут его другом.

Тогда и себя, и все вокруг употребляешь
во благо чему-то, во исполнение завета.
Это ничего, что часом не знаешь, чему служишь:
ни тот лучше служит, кто все понимает.

65. Так мало

Так мало говори
Дни коротки
дни коротки
коротки ночи
коротки годы
Так мало говорим
не успеваем

226. Сердце мое утомлено
восторгом
отчаянием
надеждой
усердием.
Пасть ливиафана
на мне сомкнулась
Нагой лежал на берегах
безлюдных островов

Увлек меня за собой в небытие
белый кит мироздания
И сейчас я не знаю
что было правдой

ХУШ. Ч е с л а в Н Е М Е Н

род. 1941

66. Эпитафия

Какое имя
носит
тот
кто

в полусмехе мысли
в едва начатой песне
в полушаге по своей дороге прервал
нить

свитую из любви
В жертву чьему капризу
мы повлекли тебя
на погребальный костер
и стоим

прикованные
к кладбищенскому пейзажу
перед свежевывесанным крестом

Бросая вызов
святому обряду
я обращаюсь к тебе
ц и в и л и з а ц и я
наш исполненный спеси
опекун

Что ты сделаешь
каким инструментом вырвешь
острый клинок
из сердец

бьющихся в похоронном звоне
Как еще долго
избитая фраза "такова жизнь"
будет служить единственным
оправданием

нелепой
смерти

ч е л о в е к а